

Черные ласточки

Алиса Котовская

18+

Алиса Котовская
Черные ласточки

«Автор»

2026

Котовская А.

Черные ласточки / А. Котовская — «Автор», 2026

Морвина - ведьма среднего разряда, сбежавшая из ковена «Чёрные ласточки» ради обычной жизни: травы, чай, булочки по воскресеньям. Но прошлое не отпускает. Скрываясь под личиной скромной сборщицы, она сталкивается с охотниками инквизиции Серебряного когтя - и среди них оказывается Каэлан, чья холодная пронизательность видит слишком много. Попытка обмануть преследователей, оставив ложный след ковена, лишь ненадолго отводит беду. Вскоре Морвину захватывают и доставляют в Хельдран - сердце Ордена, где её ждёт кардинал Валтар. Человек из её давно похороненной юности, ныне превратившийся в ледяного фанатика, одержим идеей «пересадить» её душу: стереть Морвину и воскресить Мариссу - ту девушку, которую он когда-то любил и предал. В мрачной игре между инквизицией, ковенном и собственной памятью Морвина вынуждена выбирать: бежать, подчиниться или найти способ сломать систему, которая хочет либо сжечь её, либо переписать заново.

© Котовская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2	21
Глава 3	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Алиса Котовская

Черные ласточки

Глава 1.

Звали её Морвина, и была она, если говорить без намеков, ведьмой среднего разряда. Но и этого хватило, чтобы родной ковен «Чёрные Ласточки» смотрел на неё как на ценный (и немного завалившийся) актив, а инквизиция Серебряного Когтя – как на нарушающий экологический баланс мусор.

Морвина же хотела простого: снять уютную лачужку с видом не на гиблые болота, а на овечьи луга, разводить целебный (и просто очень вкусный) чай, и чтобы её самый опасный ритуал – это воскресная выпечка булочек.

Решение жить обычную жизнь, однако, обернулось сплошными испытаниями. То крыса-фамилиар отказывается, есть крошки и требует икру, то магическая аура непроизвольно вызывает буйное цветение сорняков у неё на огороде, а у соседа – идеальную газонную траву, что вызывало законные подозрения.

И вот сейчас, когда у неё в кармане позвякивало несколько медяков за последний пучок «сон-травы» (продана как успокоительное для истеричной козы), а на душе было светло от предвкушения ужина и старого носка, Морвина бодро шагала по пыльной дороге в город. Мысли её были мирны: «Купить муки, немного воска, не смотреть косо на местного священника..».

Мысли эти развеялись как дым от проваленного зелья, когда за поворотом показалась компания. Трое. Кожаные плащи поверх кольчуг, на поясах – серебряные амулеты в виде когтя, на лицах – выражение профессионального скучающего превосходства. Охотники на нечисть. Из той самой инквизиции.

Они шли мимо, громко обсуждая, где бы раздобыть дешёвого вина после «этой скучной облавы на какого-то жалкого болотного тролля».

Морвина застыла, превратившись в этакий памятник. Её обычная, невзрачная одежда вдруг показалась ей кричаще-ведьмовской. Каждая травинка в её волосах, по её мнению, вопила: «Смотрите, я собирала в полнолуние!» Даже безобидная горбушка хлеба в её сумке могла сойти за магический артефакт.

«Не смотреть. Не дышать. Не чихать, а то из носа случайно вылетят искры», – пронеслось в голове.

Охотники поравнялись с ней. Один, коренастый, с лицом, как потёртый булыжник, мельком глянул на неё. Его взгляд скользнул по её потрёпанному платью, корзинке и остановился на лице. Морвина почувствовала, как у неё где-то в районе печени холодеет магический кристаллик, спрятанный на самый крайний случай (который, судя по всему, наступал).

– День добрый, – буркнул охотник, отводя взгляд.

– Д- добрый, – выдавила Морвина, сделав вид, что поправляет совершенно несуществующую заколку.

И они прошли мимо. Продолжив спор о достоинствах местного пива. Пыль, поднятая их сапогами, медленно оседала на её башмаки.

Морвина выдохнула только через сто шагов. Её сердце колотилось, как сердце летучей мыши в банке. «Обычная жизнь, – горько подумала она, глядя на удаляющиеся спины. – Самое опасное приключение из всех возможных».

И, поправив корзинку, она зашагала в сторону города, уже строя новый план: «Купить муки, немного воска, и, возможно, научиться шить себе плащ-невидимку из овечьей шерсти. Для душевного спокойствия».

Городские ворота Барлтона, украшенные потертым гербом с изображением барана, пропустили Морвину без особых проблем. Стражник, похожий на сонную гусеницу, лениво тыкнул в её дорожную грамоту и буркнул: «Проходи. Следующий».

Барлтон встретил её знакомой суетой. Город был похож на плохо сшитое одеяло: каменные лавки соседствовали с плетёными хлевами, а кривые фахверковые дома лепились друг к другу. Над всем этим царил холодный шпиль Храма Серебряного Когтя.

Морвина, прижимая корзинку, добралась до таверны «Отдыхающий вепрь» – не примечательной, но с обещанием горячей похлёбки и крыши над головой.

Хозяйка, женщина с лицом, словно ее поксали пчелы, взяла предоплату и сунула ключ.
– Вторая дверь налево, на втором этаже.

Лестница скрипела такими предостережениями, будто хотела сказать: «Поверни назад!». Но поздно было уже тогда, когда Морвина поднялась на площадку и увидела троих знакомых охотников. Они стояли в коридоре, снимая плащи. Их дверь – «Направо». Её – «Налево». Прямо, напротив.

«Великая Тьма, – мысленно выругалась Морвина. – Это уже не испытание, а злая шутка».

Она потупила взгляд, стараясь стать частью обоев, и быстро направилась к своей двери. Ключ заёрзал в замке с предательским скрежетом.

– Эй, красавица! Не торопись закрываться!

Голос был молодой, нагловатый и принадлежал самому стройному из охотников – тому, что в дороге шёгольски крутил серебряный амулет на пальце. Его звали Лориан. Светлые, почти белые волосы доходили ему чуть ниже ушей, слегка вьась на концах и оттого казавшиеся ещё мягче. Лицо было узким, с длинным прямым носом, пухлыми губами, которые сейчас растягивались в самоуверенной улыбке, и округлыми, по-юношески мягкими щеками, которые делали его похожим скорее на разбалованного наследника богатого дома, чем на охотника за троллями. Он уже сделал шаг в её сторону, обаятельно ухмыляясь.

– Я очень устала с дороги, – выдавила Морвина, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

– Как раз то, что нужно! – Лориан прислонился к косяку своей двери. – Пара кубков вина, пара историй про троллей. Страшнее тебя, между прочим.

Морвина мысленно лихорадочно перебирала варианты: «Заклинание онемения? Слишком заметно. Призвать Бублика? Он спит и вообще пацифист».

Лориан, ободрённый её молчанием, сделал ещё шаг и уже собирался что-то сказать, когда из их комнаты раздался низкий, суровый голос, похожий на скрежет камня:

– Лориан.

Высокий и суровый охотник, которого товарищи звали Торвин, появился в дверях. Его лицо было изборождено шрамами и выражало предельное, почти профессиональное неудовольствие. Он не сказал больше ни слова, просто протянул руку, схватил Лориана за кожаный ворот плаща и оттянул его назад, как непослушного щенка.

– Ай! Да отпусти ты...

– Не лезь к девушке, – отрезал Торвин, и его интонация не допускала возражений. Он бросил короткий, оценивающий взгляд на Морвину – быстрый, пронзительный, от которого у неё внутри всё похолодело. Но в его взгляде не было подозрения, лишь усталое презрение к глупой выходке напарника. Он кивнул ей, чуть склонив голову. – Извините за его рвение.

Лориан, красный от досады и легкого удушения, что-то невнятно пробормотал, потирая шею.

Морвина, не веря своему счастью, быстро кивнула, сунула ключ в скважину и юркнула в свою комнату. Дверь захлопнулась. Она прислонилась к ней спиной, затаив дыхание.

Из-за стены доносился приглушенный разговор:

– Ну что ты, как последний подмастерье, к первой же...

– Да она симпатичная!

– Ты здесь на задании, дурак, а не на гулянке. Или ты хочешь, чтобы о «подвиге» охотника, пристающего к девушкам в таверне, доложили командиру?

Ворчание стихло. Морвина выдохнула. Её спасла не её магия, а суровая дисциплина Серебряного Когтя и чья-то непредвиденная порядочность. Это было почти обиднее.

Она осмотрела свою каморку: узкая кровать, стол, таз. Обычная жизнь, полная неожиданных поворотов. Она только что избежала опасности благодаря тому, что один инквизитор оказался строже другого.

«Слава здравому смыслу, – иронично подумала она, развязывая шнуровку на башмаках. – Самый редкий магический артефакт в этих краях».

Но чувство облегчения тут же сменилось настороженностью. Теперь они были соседями. И самый опасный из них – высокий Торвин – видел её в лицо. Очень близко.

Комната Морвины была аскетичным памятником её решению жить «как все». Тесная каморка под самой крышей, куда солнце заглядывало лишь на час поутру, пахла старым деревом, пылью и слабой надеждой на чистоту. Узкая кровать с соломенным тюфяком скрипела при любом движении. Стол, на котором тут и там виднелись вырезанные имена прошлых постояльцев (и одно подозрительно похожее на сатанинский символ, но, как надеялась Морвина, просто результат детской шалости). Глиняный таз и кувшин с водой на полу. Единственное окно, выходящее во внутренний дворик, где мирно храпела свинья в загоне.

Было тяжело. Без магии. Она могла бы шепнуть пару слов и заставить пыль самоорганизоваться и покинуть помещение. Легким движением мысли согреть остывающую воду в кувшине. А уж превратить этот тюфяк в подобие пухового облака – вообще дело пары минут. Но нет. Она сама так решила. Каждый скрип кровати, каждый пыльный угол были её личной аскезой, платой за неприметность. Она сняла платок, вздохнула и провела рукой по столу, оставив в пыли чистую полосу.

«Обычная жизнь, – напомнила она себе. – Обычная пыль».

Спустя время, когда в таверне запахло жареным луком, салом и чем-то безоговорочно съедобным, голод заставил её спуститься.

Общий зал «Отдыхающего вепря» гудел, как потревоженный улей.

Дым от очага стелился под черными балками, смешиваясь с запахом пива и влажной шерсти. Хозяйка, не меняя выражения лица, поставила перед Морвиной дымящуюся миску и ломоть хлеба.

И, о боги, это была похлебка. Не просто горячая жидкость, а настоящее произведение искусства безмянного таверного кулинара. Густая, маслянистая, с румяными кусочками баранины, которые таяли во рту. Крупная, в меру твердая фасоль, сладковатая пастернак и морковь. Ароматный чабер и тмин щекотали ноздри. А плававший сверху золотистый жирок. Он был подобен благословию. Хлеб, черствый снаружи, внутри был еще теплым, мягким и идеально впитывал подливу. Это была та самая еда, которая согревает не только желудок, но и душу, заставляя на миг забыть о ковенах, инквизиции и соседях-охотниках.

Морвина с благодарностью погрузилась в миску. Но блаженству был отпущен ровно один короткий миг.

Напротив, нее, с грохотом отодвинув лавку, устроилась та самая троица. Лориан, все еще слегка надутый, высокий и суровый Торвин, и третий – тот, кого она не видела в коридоре.

Их командир.

Он сидел спиной к очагу, и его лицо было в тени, но чувствовалось его присутствие. Он был не стар, но в его спокойных, размеренных движениях была тяжесть опыта. Его плащ, хоть и потертый на плечах от кольчуги, сидел иначе – не как рабочая одежда, а как знак отличия. На его шее серебряный коготь был не просто амулетом, а выверенной, холодной деталью. Он не смотрел по сторонам, а методично резал свою порцию мяса, но казалось, что он все замечает: как шевелится тень в углу, как капает пиво с чьего-то кубка, как замерла с ложкой у рта девушки, напротив.

Лориан, увидев Морвину, сначала хмыкнул, но под тяжёлым взглядом Торвина тут же уткнулся в еду. Торвин сам лишь на секунду скользнул по ней взглядом – нейтральным, ничего не выражающим, но от этого не менее колючим.

А их командир поднял глаза.

Коротко стриженные тёмные волосы, вытянутое лицо, маленькие, глубоко посаженные глаза, которые казались чёрными провалами в тусклом свете таверны, и нижняя часть лица покрыта густой тёмной щетиной – или, может, это была просто грязь дороги, в полумраке она не смогла разобрать. Взгляд его встретился с взглядом Морвины. Это не было подкатыванием Лориана и не угрозой. Это была холодная, чистая оценка. Как бык оценивает новое животное в загоне: не враг, не добыча, но фактор, требующий понимания. Он медленно, почти незаметно кивнул – не ей лично, а просто как знак того, что заметил её присутствие, зафиксировал в своей тактической картине таверны. И снова вернулся к еде.

Под этим взглядом у Морвины похлёбка внезапно потеряла часть своего волшебного вкуса. Каждый кусочек баранины теперь приходилось проглатывать с чувством, что её самое тщательно скрываемое нутро просвечивают насквозь. Она сидела за одним столом с тремя охотниками на ведьм, и их предводитель, кажется, был умнее и опаснее их всех вместе взятых.

Морвина пыталась раствориться в фоне, стать частью обстановки: "Вот стена. Вот поллица. Вот ведьма, тихо улетающая похлёбку. Всё логично и непримечательно".

Она сосредоточилась на еде, превратив каждый поднесенный ко рту кусок хлеба в ритуал невидимости.

Охотники же, поначалу поглощенные ужином, постепенно оживились. Командир (его звали, как выяснилось, Каэлан) говорил мало, но его тихие, отрывистые вопросы задавали тон. Обсуждение тролля, на которого была сегодня облава, перетекло в деловой спор.

– Жалко, что ушел в топи, – бурчал Лориан, отхлебывая пиво. – Я бы ему показал мой новый серебряный клинок.

– И он бы тебе показал твои же внутренности, – невозмутимо заметил Торвин, разламывая хлеб. – Там, на болоте, он на своей земле. Нужна была приманка, а не лобовая атака.

– Приманка? – фыркнул Лориан. – Например?

– Например, живая, – Торвин метнул быстрый взгляд в сторону Морвины, будто оценивая её потенциальную «приманковость», и она едва не подавилась. – Козу. Или овцу.

Каэлан, до этого молча перебиравший какие-то завязки от мешков на столе, поднял глаза. Его взгляд был тяжел и сосредоточен.

– Троль – задача второстепенная, – произнес он, и его голос, тихий, но с металлическим отзвуком, заставил замолчать даже Лориана. – Смотрите не на болото, а на следы вокруг него. Старая история. Где нечисть – там часто и те, кто с ней водится. Им удобно в тени более крупного зверя прятаться.

Морвина почувствовала, как у неё в груди замерла крошечная магическая искорка, спрятанная для согрева чая. Он говорил о ведьмах. О её сородичах. Или уже о ней самой?

– Ты про тот ковен, "Чёрные Ласточки"? – уточнил Торвин, понизив голос. – Говорят, их старшая тут крутится. Ищет кого-то. Беглянку.

В таверне стало неожиданно жарко. Морвина сделала вид, что тщательно вылавливает последнюю фасолину, но её пальцы чуть дрожали. Ковен искал её. Инквизиция искала ковен. А она сидела между ними, как мышь между двумя котами, и доедала похлёбку.

– Да, – подтвердил Каэлан. Его пальцы перестали перебирать завязки. Он снова посмотрел в пространство, но Морвине показалось, что его взгляд скользнул по её рукам, по простому, но чистому платью, по корзинке, где мирно спал Бублик. Беглянка – ценный свидетель. И слабое звено. Кто найдет первым – тот получит ключ ко всей сети. Мы должны быть внимательны ко всем новым лицам. Ко всем, кто... старается не привлекать внимания.

Последнюю фразу он произнес с едва уловимой паузой, и Лориан невольно снова посмотрел на Морвину. Теперь уже не с пошлым интересом, а с зарождающимся подозрением. «Старается не привлекать внимания». А кто в этой таверне старался сильнее всех? Одна скромная девушка с корзинкой трав.

Морвина поняла, что ее стратегия "быть серой мышью" внезапно стала подозрительной сама по себе. В мире, где все кричат, пьют и жестикулируют, ее тишина была оглушительной.

Она поставила ложку в пустую миску с тихим, но четким стуком.

– Спасибо за ужин, – произнесла она четко, обращаясь в пустоту между столами, и поднялась. Её движения были спокойны, даже немного деревянны – движения очень уставшего, обычного человека.

– Девушка, – раздался голос Каэлана.

Она замерла, чувствуя, как холодок пробежал от копчика до затылка. Медленно обернулась.

Командир смотрел на нее. Его лицо, наконец освещенное бликами от очага, оказалось неожиданно аскетичным и умным.

– Вы одна путешествуете? – спросил он без предисловий. – Не опасно?

Вопрос висел в воздухе, нагруженный скрытым смыслом. "Опасно для тебя? Или опасно для нас от тебя?"

– Собираю лечебные травы для аптекаря в Стилфорде, – ответила Морвина, повторяя заранее приготовленную легенду. Голос не дрогнул, слава всем темным и светлым силам. – Опасности? Ну, крапивой обожглась сегодня, конечно.

Лориан сдержанно хмыкнул. Торвин сохранял каменное спокойствие. А Каэлан смотрел. Смотрел так, будто читал текст, написанный очень мелким шрифтом у неё на лбу.

– Крапива – это да, коварно, – наконец сказал он, и в его голосе мелькнула тень чего-то – то ли иронии, то ли разочарования. – Смотрите под ноги. И на руки. Спокойной ночи.

Это было не пожелание. Это было разрешение уйти. Но также и предупреждение: "Я тебя вижу".

– Спокойной ночи, – кивнула Морвина и пошла к лестнице, ощущая на спине тяжесть трёх пар глаз: наглых, оценивающих и всевидящих.

Поднявшись в свою каморку, она заперла дверь и прислонилась к ней, закрыв глаза. В сумке пошевелился Бублик.

«Ну что, – донесся до её мыслей сонный голос фамилиара. – Опять ты без меня влипла во что-то интересное?»

«Интересное? – мысленно фыркнула Морвина, развязывая шнуровку на башмаках. – Да, Бублик. Обычная жизнь. Полная обычных охотников за ведьмами, которые почему-то считают, что я – слабое звено».

Она взглянула в темное окно, где отражалась её собственная бледная тень. «Что ж. Посмотрим, кто здесь на самом деле слабое звено. Но завтра. Сейчас мне нужно выспаться. Без магии. Как обычный человек».

Сон, обещанный Морвиной самой себе, не задался с самого начала. Каждая скрипнувшая за стеной половица звучала как раскат грома. Каждый приглушенный голос – как обсуждение её персоны. Особенно явственно она слышала низкий, ровный голос Каэлана, методично что-то диктующий. Очевидно, они писали донесение.

«...наблюдение за перекрестком у старой мельницы... запросить архивные сводки по неопознанным ритуальным находкам за последние три года... усилить патрули в районе Чёрных тростников...».

Морвина лежала на спине, уставившись в потолок, где тени от луны за окном складывались в странные, совсем не успокаивающие узоры, напоминавшие то ли руны, то ли просто пятна сырости.

«Чёрные тростники» – это всего в полутора днях пути отсюда. Именно там она оставила свою старую, заколдованную чтобы не найти, котомку с кое- какими запрещенными артефактами.

«На всякий случай».

Теперь этот «всякий случай» грозил стать для неё основным.

Она ворочалась, пытаясь найти удобное положение на соломенном тюфаке, который словно специально скатывался в комок именно под её левой лопаткой. Руки сами собой тянулись совершить простейший жест, шепнуть пару слогов – и превратить ложе в подобие пухового облака. Но она сжимала кулаки и упиралась. Её магия была как запах, который могли учуять эти ищейки в серебряных амулетах. Сейчас её главная сила должна была заключаться в абсолютной обычности.

Из соседней комнаты донеслось хриплое хихиканье Лориана и резкое, отрывистое замечание Торвина: «...и хватит болтать. Спать».

Потом наступила тишина. Но она была напряженной, звенящей. Как тетива лука перед выстрелом.

Бублик, проснувшийся от её беспокойства, вылез из сумки и устроился у неё на груди, свернувшись теплым комочком.

«Они пахнут сталью и злобой, – пропищал он прямо в её сознание. – Особенно высокий молчун. У него в сумке что-то тикает. Тихими, злыми тиками».

«Тикает?» – мысленно переспросила Морвина, и у неё похолодело внутри. Артефакт-детектор? Зачарованный компас, указывающий на скопление магии?

«Как карманные часы у того толстого купца, только без боя, – уточнил Бублик. – Просто тик- тик- тик. Я такие штуки у всех них чувю: у каждого в сумке или в кармане есть. Но у высокого тикает громче всех, особенно когда он смотрит на нашу дверь».

Великолепно. Значит, Каэлан не просто подозревал. Он проверял. И его «тики» могли быть реакцией на неё саму, на спящего Бублика (крыса была хоть и пацифистом, но всё же магическим существом), или на её котомку, припрятанную в Чёрных тростниках. Варианты были одинаково плохи.

«И ты это решил мне сказать на ночь глядя?» – мысленно огрызнулась Морвина, чувствуя, как сон окончательно улетучивается.

Бублик виновато поёрзал на её груди.

«Да, теперь не только мне ворочаться от этой мысли», – вздохнула она про себя и уставилась в тёмный потолок комнаты.

Под утро, когда серый свет только начал размывать темноту за окном, Морвину разбудили звуки активности за стеной: звон металла, бряцание пряжек, тяжёлые шаги. Охотники собирались. Она прильнула ухом к тонкой перегородке, затаив дыхание.

– ...проверим старую мельницу, а затем – на болота, – говорил Каэлан. – Торвин, ты ведешь осмотр периметра. Лориан, смотри под ноги, а не на ворон. И помните, мы ищем

не только следы тролля. Любые аномалии. Сломанные ветки неестественным образом, следы костров не в сезон, подозрительную тишину.

«Подозрительную тишину».

Опять это.

– А девчонка с похлёбкой? – не унимался Лориан. Голос его звучал ближе, будто он стоял прямо у двери. – Сидела тихо, как мышь. Подозрительно тихо.

– Каждая вторая в этой дыре сидит тихо, потому что боится, что у неё последний медяк украдут, – прозвучал голос Торвина. – Не ищи колдовство в каждой юбке.

– Но командир сказал – все новые лица... – не сдавался Лориан.

– Она, – раздался спокойный голос Каэлана. Морвина замерла. – не приоритет. Пока. Оставь её. У нас есть более четкие следы. Если она связана – проявится. Если нет – не стоит тратить время.

Морвина услышала звук открывающейся и закрывающейся двери, затем тяжёлые шаги по лестнице. Они ушли.

Она отошла от стены и села на кровати, обхватив голову руками. Её отодвинули на второй план. Это была хорошая новость. Плохая новость была в том, что её внесли в список. В «неприоритетный», но список. И Каэлан явно был не из тех, кто что-то забывает. Если его «тикающая» штуковница засечёт что-то на болотах возле её тайника...

«План, – мысленно сказала она себе. – Нужен новый план».

Оставаться здесь, в таверне, было глупо. Ждать, пока они вернуться с болот, возможно, с её котомкой в руках – самоубийственно. Но и бежать сломя голову – значит подтвердить все подозрения.

Она встала, подошла к окну и выглянула во двор. Утро было туманным, сырым. Свинья в загоне мирно хрюкала. На воротах висел замок. Обычная, серая, непримечательная жизнь звала её остаться, зарыться в эту солому, как страус.

Бублик запрыгнул на подоконник.

«Что думаем?» – спросил он, почесывая за ухом лапкой.

«Думаем, что обычная жизнь – это слишком сложно, – мысленно вздохнула Морвина. – И что, пожалуйста, пора внести в неё немного контролируемого хаоса. Но строго без магии. Только естественные причины».

Услышав мысленные слова Бублика, Морвина почувствовала, как пол уходит из-под ног. Она медленно обернулась, чтобы посмотреть на фамилиара. Крыса сидела на подоконнике, и её черные бусинки- глаза были полны не свойственной ей серьезности.

«Они вчера упомянули наш ковен. Что нас ищут, – мысленно повторил Бублик, чуть наклоняя голову. – Высокий молчун сказал: «Беглянка – слабое звено. Кто найдет первым – тот получит ключ». Они думают, ты можешь их привести к Сестрам».

Вот оно что. Ситуация складывалась в еще более жуткую мозаику. Это была не просто охота на ведьму- одиночку. Это была охота за наживой, где она была приманкой для поимки целого ковена. «Чёрные Ласточки», конечно, не были образцом доброты и света, но это были её Ласточки. Или были. Старшая, матушка Илга, наверняка рвала и метала, лишившись такой «ценной единицы», как Морвина. И теперь и ковен, и инквизиция смотрели на неё как на лакомый кусок. Одни – чтобы вернуть и, возможно, наказать. Другие – чтобы выжать информацию и сжечь.

«Спасибо, Бублик, – мысленно ответила она, чувствуя, как холодная решимость вытесняет панику. – Это меняет расклад. Сидеть в норе и надеяться, что тебя не найдут два разных капкана, – уже не вариант».

Её первоначальный план с «контролируемым хаосом» требовал коррекции. Нужно было не просто отвлечь охотников, а направить их по ложному следу. И, что ещё важнее, дать знать ковену, чтобы они убрались подальше. Как бы она к ним ни относилась сейчас, массовая казнь

«Чёрных Ласточек» на кострах Серебряного Когтя – это было слишком даже для её обиженной души.

Она быстро собрала свои нехитрые пожитки, сунула в корзинку притихшего Бублика. Её лицо в тусклом зеркальце было бледным, но сосредоточенным. Обычная девушка? Нет. Обычная девушка в необычно скверных обстоятельствах.

Спустившись вниз, она застала хозяйку за тем, что та с мрачным видом чистила картофель.

– Извините, – начала Морвина самым сладким, немного взволнованным голосом. – Скажите, а те господа охотники... они не говорили, куда направляются? Только не подумайте ничего! – она сделала вид, что смущенно покраснела. – Просто вчера один из них, тот, что помоложе он обронил вот это.

Она разжала ладонь, на которой лежала обычная медная пуговица. На самом деле, это была пуговица от её старого платья, но кто будет проверять?

– Хотела вернуть, пока они не ушли, а то вдруг нужная вещь...

Хозяйка посмотрела на неё с немым укором, словно Морвина сознательно решила усложнить ей жизнь.

– На болота, милая, на болота, – буркнула она. – Старую мельницу проверять, а потом в Чёрные тростники. Сказали, к вечеру вернутся. Оставь пуговицу, я им передам.

«Чёрные тростники. К вечеру». Время поджимало.

– Ах, спасибо! – Морвина положила пуговицу на стойку. – Тогда, может, я успею... мне же еще к аптекарю в Стилфорд нужно, а там через болота как раз короче. Не подскажете, тропинка от мельницы надежная?

Хозяйка фыркнула, но ткнула толстым пальцем в сторону окна.

– От мельницы на северо-восток. Там старая гать. Только смотри не сверни на запад – там трясина. И змей полно.

– Спасибо огромное! – Морвина уже почти выбежала из таверны, но на пороге остановилась, будто что-то вспомнив. – Ой, и ещё! Вам, наверное, в погребе крыс потравить надо. У меня сегодня ночью аж шкаф скрипел, как будто кто-то грызет. Ужас!

Сказав это, она выскользнула на улицу, оставив хозяйку ворчать насчет «крыс, которые хуже всякой нечисти».

План был таков: опередить охотников. Добраться до Чёрных тростников первой. Не для того, чтобы забрать свою котомку – это было бы чистой глупостью и прямым попаданием в лапы или ковена, или инквизиции. Нет. Она должна была оставить им другую находку. След, который отвел бы их и от её тайника, и от реальных троп ковена.

Бублик высунул нос из корзинки.

«И что мы будем делать? Танцевать ритуальный танец на болоте?»

«Нет, – мысленно ухмыльнулась Морвина, сворачивая на грязную улицу, ведущую к окраине города. – Мы устроим маленький спектакль. Естественный, ненатуральный. С помощью того, что уже есть в лесу. И парочки совсем уж простых фокусов, которые не пахнут магией, а пахнут... отчаянием и глупостью. Например, если очень аккуратно подпилить сук над тропой, чтобы он упал в самый неподходящий момент. Или найти логово настоящей болотной твари и вежливо попросить её пошуметь пригоршней забродивших ягод из того самого погреба».

Она шагала быстро, её обычное платье сливалось с утренним туманом

Бублик, подныривая под низкие ветви и перепрыгивая через промоины, вынес их на небольшую, относительно сухую полянку. Три сосны, скрюченные болотными ветрами, стояли, образуя нечто вроде ворот в ещё более мрачную часть леса. Здесь воздух звенел от тишины, нарушаемой только жужжанием мошкар.

«Здесь?» – мысленно спросил Бублик, замирая на месте. Морвина сползла с его спины, ноги дрожали от напряжения и непривычной езды.

– Здесь, – кивнула она, подбегая к самой крупной сосне. У её основания, под нависшим, покрытым мхом корнем, лежал камень, ничем не примечательный, если не знать, что он полый внутри. Она нажала на определенное место, камень с тихим скрежетом отъехал в сторону, открывая неглубокую ямку. Там лежала небольшая котомка из вошеной кожи – её старый походный набор «на крайний случай».

Морвина не стала её открывать. Вместо этого она схватила котомку и огляделась. Её план требовал скорости и хитрости.

– Мне нужно то, чего здесь быть не должно, но что выглядело бы... потерянным в панике. И то, что укажет не на меня, а на кого-то другого.

Она расстегнула котомку и быстрыми движениями вытряхнула содержимое на мох. Бублик, пригнувшись, наблюдал. Тут были странные вещи: пучки засушенных трав с серебристым отливом (не её скромные сборы), маленький кристалл, тускло мерцавший изнутри, несколько костяных фигурок, обвязанных волосом, и сверток в черном шелке.

Морвина нацелилась именно на шелк. Развернув его, она достала оттуда тонкий серебряный кинжал с рукоятью, обвитой змеиной кожей. На клинке у гарды был выгравирован знак: стилизованная ласточка в кольце.

– Идеально, – прошептала она. – Личная печать матушки Илги. Если инквизиция это найдет...

Она не договорила. Суть была ясна: это отвлечет Каэлана и его людей от поисков простой травницы и наведет на след главы ковена. Война охотников и «Чёрных Ласточек» их полностью займет.

Но просто бросить кинжал было слишком просто. Нужна была история. Паника. Борьба.

– Бублик, – сказала она, глядя на пса. – Тебе придется немного поработать... собачкой. Самой вредной.

«Я уже собачка. И уже работаю. Что дальше?»

– Поганяй меня. Немного. Чтобы остались следы – мои, в панике, и твои, будто ты за мной гнался.

«Прости, что?» – мысленный голос Бублика выразил крайнее недоумение.

– Не по-настоящему! – поспешила успокоить его Морвина. – Просто пошуми, полая вокруг, потопчи тут всё. А я пока оставлю «улики».

Она сунула кинжал обратно в шелк, но не завязала, будто его выронили в спешке. Бросила сверток у корней сосны, рядом намеренно уронила одну из костяных фигурок, обмотанную темным волосом (пусть думают, что это ритуальный артефакт). Затем схватила свою обычную корзинку и, сделав глубокий вдох, кивнула Бублику.

Тот вздохнул – тяжело, по-собачьи – и внезапно залился громким, неожиданно злобным лаем. Он начал носиться по поляне, вытаптывая мох, ломая папоротники, рыча и скаля зубы в её сторону. Это было настолько убедительно, что у Морвины на секунду ёкнуло сердце. Она вскрикнула (искренне) и бросилась прочь с поляны, в сторону, противоположную той, откуда они пришли, стараясь бежать нелепо, спотыкаясь, оставляя на мягкой земле четкие следы подошв.

Она пробежала так метров двести, пока лай и шум не стихли. Остановившись за толстым стволом упавшей березы, она тяжело дышала. Через минуту к ней бесшумно подкрался Бублик, снова превратившийся в крысу. Он запрыгнул ей на плечо.

«Ну что, спектакль удался? Я, кажется, переиграл. Теперь мне безумно хочется погоняться за белкой».

– Справился идеально, – прошептала Морвина, глядя его за ухом. – Теперь возвращаемся в город. Но другой дорогой. И с твоей помощью.

Она достала из кармана маленький пузырек – с крепким болотным чаем, который она заварила для «здоровья». Выпила глоток, чтобы прийти в себя. План был в действии. На поляне остались следы борьбы, потерянные «ведьмовские» артефакты с печатью ковена, и, что важно, ни одной её личной вещи, кроме тех, что могли быть у любой травницы. И главное – там не было её котомки с действительно опасными вещами. Ту самую вощеную котомку она, перед тем как убежать, засунула в дупло старой ольхи в полукилометре отсюда. На самый- самый крайний случай.

Возвращались они медленно и осторожно, делая большой крюк. Морвина изображала усталую сборщицу трав, вышедшую на окраину болота за мхом и клюквой. Бублик, снова в облике крысы, сидел в корзинке, изображая сонное, безобидное существо.

Когда они вышли на знакомую тропу у старой мельницы, солнце уже клонилось к вечеру. И тут они их услышали – уверенные, тяжелые шаги и голоса. Охотники возвращались. И судя по оживленным тонам – не с пустыми руками.

Морвина быстро юркнула за груды старых мельничных жерновов, прижалась к холодному камню и затаила дыхание.

– ...определенно их знак, – доносился суровый голос Торвина. – И кинжал не пустяковый. Ритуальный.

– Значит, ковен здесь, совсем рядом, – это был Лориан, но теперь в его голосе не было легкомыслия, только азарт охоты. – А та девчонка может, они её искали? Может, это их разборки, а мы вмешались?

– Возможно, – раздался ровный, аналитический голос Каэлана. – Следы на поляне странные. Собачьи лапы и женские башмаки. Борьба или погоня. Но никакого запаха магии, кроме старого, ввевшегося в артефакты. Девушка из таверны она могла просто попасть под горячую руку. Или быть приманкой. В любом случае, теперь у нас есть четкая цель. «Чёрные Ласточки». Охоту на тролля откладываем. Возвращаемся в город. Нужно срочно отправить донесение и запросить подкрепление.

Шаги стали удаляться. Морвина позволила себе выдохнуть. Сработало. Их внимание полностью переключилось на ковен. Она была для них теперь в лучшем случае – мелкой сошкой, в худшем – случайной свидетельницей.

Когда звуки окончательно затихли, она выбралась Из-за жерновов. Вечерние тени уже ложились на лес. В городе её ждала та же каморка, тот же скрипучий тюфяк. Но теперь всё было иначе. Она не просто избежала опасности. Она перенаправила грозную реку инквизиции в сторону своего прошлого, защитив своё шаткое настоящее.

– Ну что, Бублик, – тихо сказала она, направляясь по дороге к огням Барлтона. – Кажется, нам удалось сегодня побыть и режиссерами, и бутафорами, и главными сбежавшими актрисами.

«Главное, чтобы нам не вручили «приз» – место на костре, – мрачно пошутил фамилиар, зарываясь поглубже в корзинку. – А на ужин, надеюсь, будет что-то кроме твоего целебного чая? Я, как собака, набегался».

– Постараюсь, – улыбнулась Морвина. Впервые за долгое время её улыбка была почти беззаботной. Обычная жизнь продолжалась.

Выйдя на более- менее натоптанную тропу, ведущую обратно к Барлтону, Морвина не сразу зашагала к огням города. Вместо этого она остановилась у большого, гладкого валуна, отполированного дождями и временем, и огляделась. Сумерки сгущались, окрашивая лес в сизые и фиолетовые тона, но до полной темноты оставался час – время для принятия важных решений.

– Так, дружок, – сказала она, больше себе, чем Бублику, и скинула корзинку на землю. – Побегать побегали, инквизицию обманули. Теперь надо думать, куда бежать дальше.

Она достала из глубины корзинки, из-под пучков безопасного ромашкового сбора, небольшой, свернутый в трубку кожаный свиток. Это была карта. Не магическая, не ведущая к сокровищам, а самая обычная, купленная когда-то у странствующего торговца за три серебряных и обещание не насыпать на его мулов чесотку. Но для Морвины она была дороже многих артефактов.

Она развернула карту на плоской поверхности камня, прижав края камнями поменьше. Бублик вылез из корзинки, взобрался на валун и уселся сверху, словно гриф-наблюдатель.

Карта была исписана её пометками – аккуратными, сделанными обычными чернилами и простым карандашом. Крестиком был отмечен Барлтон. Волнистыми линиями – болота Чёрные тростники (рядом с ними теперь красовался маленький нарисованный череп, добавленный сегодня мысленно). Дальше расходились дороги.

«*Варианты?*» – мысленно поинтересовался Бублик, склоняя голову набок, чтобы лучше видеть.

– Варианты, – вздохнула Морвина, водя пальцем по выцветшим линиям.

На север, в графство Арден. Там, согласно слухам, правил старый, больной герцог, которому было не до охоты на ведьм. Леса густые, деревни редкие. Плюс: можно затеряться. Минус: дальше от всех торговых путей, зимы суровые, и, по некоторым намёкам на карте (крошечный рисунок башни с летучей мышью), там могла быть своя, недружелюбная местная нечисть.

На восток, к Морю Туманов. Портовый город Вельгард. Там царила анархия купеческих гильдий, и законы Серебряного Когвата были там не в почёте. Можно было попытаться наняться травницей на корабль, идущий в неизвестные земли. Плюс: полный разрыв со всем прошлым. Минус: море, тошнота (и у неё, и у Бублика), полная неизвестность и необходимость в деньгах на билет.

На юго-запад, в Вольные долины. Конфедерация независимых деревушек и ферм, которые гордились своим невмешательством в дела королей и инквизиции. Плюс: простые люди, нуждающиеся в лекаре и травнице. Минус: слишком уж идиллически звучало. Обычно за таким раем скрывалась либо секта фанатиков, либо гнездо оборотней.

Вернуться в Барлтон. Сидеть в таверне, делать вид, что ничего не произошло, и надеяться, что Каэлан со своей командой увязнет в охоте на ковен и забудет про «девчонку с похлёбкой». Плюс: знакомые стены, известные опасности. Минус: они всё ещё там. И если инквизиция начнёт прочёсывать болота, рано или поздно могут наткнуться и на её дупло с котомкой.

Морвина изучала карту, как полководец перед решающим сражением. Её прошлый побег от ковена был импульсивным. Теперь же нужен был стратегический отход.

– Возвращаться в город сейчас – глупо, – проговорила она вслух. – Они ещё не ушли, могут задать лишние вопросы, увидев меня вернувшейся с болот как раз после их находки.

– На север холодно. И с тамошней нечистью связываться не хочется без должного арсенала, а наш арсенал закопан в ольхе.

– Море... – она поморщилась. – Нет. Я земная. Мои корни – в лесах и полях, а не в качке.

«*Остаются Вольные долины, – подвел итог Бублик. – Пастораль, травы, мирные фермеры. И потенциальные оборотни. Но, знаешь, после инквизиции и матушки Илги, оборотни – это почти как соседи. Просто более волосатые.*»

Морвина хмыкнула. Он был, как всегда, прав в своей крысиной, а теперь, видимо, и собачьей мудрости. Вольные долины казались наименее плохим вариантом. Нужно было лишь добраться туда, минуя крупные дороги и посты.

Она аккуратно сложила карту, но перед тем как убрать, провела пальцем по тонкой, едва заметной тропинке, которая ответвлялась от главной дороги на юг и терялась среди холмов. На полях карты рядом с ней её почерком было написано: «Старый Целитель – спрашивать осторожно».

– Решено, – сказала Морвина, пряча карту. – Идём в Долины. Но не по большаку. Есть одна тихая тропка. По слухам, там живёт отшельник, бывший монах или травник. Если он ещё жив и не сошёл с ума, может, даст ночлег и, что важнее, информацию. А заодно проверим, нет ли за нами хвоста.

Она взвалила корзинку на плечо. Бублик запрыгнул на привычное место, на край, свесив хвост.

«Отшельник, – мысленно вздохнул он. – Надеюсь, у него есть сыр. Или хотя бы не прокисшее молоко. А то после сегодняшнего забега я чувствую себя опустошённой собакой в теле крысы».

Не успела Морвина сделать и пары шагов по боковой тропинке, как Из-за стволов старых сосен вышли трое знакомых силуэтов. Они не шли, а скорее возникли, будто выросли из сумеречного леса. Очевидно, они не сразу пошли в город, а решили проверить окрестности.

– Ну, встречаемся снова, – сказал Лориан, тот, что приставал к ней в таверне. Он смотрел на неё с новым, колючим интересом. – А что такая девушка одна по лесу шляется? Не опасно?

Морвина почувствовала, как в корзинке замер Бублик. Она сама заставила себя сохранить спокойствие.

– Травы собираю, – ответила она просто, слегка подняв корзинку. – Вечером некоторые растения лучше аромат дают.

– На болотной тропе? – в разговор вступил Торвин. Его суровое лицо было не читаемо. – Не лучший район для сбора.

– А я и не доходила, – парировала Морвина, стараясь, чтобы голос звучал естественно. – Запах гнили почувствовала – и назад.

Тут вмешался третий, тот, которого она толком не знала – их командир Каэлан. Он не смотрел на неё, а обводил взглядом лес, будто сканируя местность. Его слова прозвучали не как предложение, а как спокойный, не допускающий возражений приказ.

– Мы с вами пойдём. В этих местах стало беспокойно.

Морвина внутренне похолодела. «Пойдём» – куда? С ней? Или они её уже ведут?

Она лишь пожала узкими плечами, делая вид, что это проявление заботы её скорее смущает, чем пугает.

Как знаете, – пробормотала она и, повернувшись, сделала несколько шагов вглубь леса, но уже не по своей намеченной тропе, а просто отдаляясь от них. Мысленно она послала срочный импульс Бублику: *«Черт, увязались. Не высовывайся. Сиди тихо».*

Бублик, притихший в глубине корзинки, всё-таки не удержался. Его тоненький, слегка дрожащий голосок прозвучал прямо в её голове – не громко, но с привычной смесью тревоги и ворчливости.

«Вот... нехорошие люди, пропищал он. – Ты это сильно не волнуйся там, хорошо?»

Морвина закатила глаза, хотя никто этого не видел, и мысленно ответила, стараясь звучать спокойно: *«Я стараюсь».*

«СтРаЕтСя оНа...» – тут же передразнил её Бублик, растягивая слова с явной насмешкой.

«Не беси», – огрызнулась она мысленно, ускоряя шаг и оглядываясь через плечо. Ветви за спиной шелестели – охотники явно не отставали, хотя держались на расстоянии.

«Не беси, – эхом отозвался Бублик, копируя её интонацию до противного. – Ты это иди обратно в город. Они не отвяжутся».

Морвина остановилась на миг, прислушиваясь к хрусту веток позади. Бублик был прав – как всегда, когда дело касалось неприятностей. Она глубоко вдохнула сырой лесной воздух и мысленно вздохнула: *«Ладно. Может, в городе проще затеряться. Но если они подойдут ближе будь готов. На всякий случай».*

«Я пацифист, – обиженно пискнул Бублик. – Но, если что, укушу за палец. Самый толстый».

Она едва не улыбнулась, несмотря на холодок страха в груди, и развернулась, выбирая путь обратно к опушке – осторожно, петляя между деревьями, чтобы не выдать спешки.

Она принялась механически срывать листья мяты и чабреца, растущие у подножия сосен, чувствуя на себе тяжёлые взгляды. Лориан, не отставая, шёл рядом.

– И много этих трав нужно вашему аптекарю? – спросил он, и в его голосе сквозило не столько любопытство, сколько проверка.

Пока корзинку не наполню, – уклонилась от ответа Морвина.

– А вы откуда- сами- то будете? – не унимался он.

– Из- под Стилфорда, – автоматически выдала она свою легенду.

Торвин шёл чуть позади, молча, но его присутствие ощущалось физически, как натянутая тетива. А Каэлан отошёл в сторонку. Он не помогал «собирать травы» и не задавал вопросов. Он просто стоял, прислонившись к дереву, и наблюдал. Не за ней, казалось, а за всем лесом сразу. Но Морвина знала – этот взгляд ничего не упускает. Он видел, как дрожат её пальцы, когда она рвёт стебли, как неестественно прямо она держит спину. Он был самым опасным из них, потому что молчал.

«Собирайся быстрее», – приказала она себе. Через десять минут корзинка была наполнена до краев безобидной зеленью. Дальше тянуть было некуда.

– Всё, пожалуй, – сказала она, поворачиваясь и направляясь обратно к большой дороге. – На сегодня хватит.

– В город? – спросил Лориан, шагая рядом.

– Ну да, – кивнула Морвина, стараясь говорить, как можно естественнее. – Я там номер сняла.

Она произнесла это нарочито просто, как констатацию факта. «Да, я живу там же, где и вы. Я не скрываюсь. Я просто травница, у которой есть комната в дешёвой таверне».

Каэлан, наконец, оторвался от дерева и молча встроился в их маленькую процессию, заняв место позади всех. Они шли обратно в Барлтон подозрительным квартетом: двое охотников по бокам, одна якобы травница в центре и один молчаливый командир, замыкающий строй и, как казалось Морвине, читающий её мысли по ритму шагов.

Вся её тщательно построенная стратегия рухнула в одно мгновение. Уйти в Вольные долины сейчас было невозможно. Придётся возвращаться в логово. Играть свою роль до конца. И надеяться, что «тикающая» штуковина Каэлана не начнёт тикать чаще, когда они войдут в стены таверны, где так близко будут сконцентрированы и она, и её фамилиар, и её тревога, которую уже не спрячешь за пучками мяты.

Ворота Барлтона на этот раз показались Морвине не просто входом в город, а гигантской пастью. Они прошли их под безучастными взглядами стражников, и троица охотников не отставала от неё ни на шаг. Каждый их шаг, бряцание оружия, даже звук их дыхания казались ей оглушительно громкими на фоне её собственного бешеного сердцебиения.

Оказавшись на знакомой кривой улочке, ведущей к «Отдыхающему вепрю», Морвина инстинктивно ускорила шаг. Ей нужно было оказаться в своей комнате, за дверью, чтобы перевести дух и придумать новый план. Но они держались рядом, как тени.

Когда здание таверны с его покосившейся вывеской возникло впереди, она почти побежала, влетела в тёплый, прокуренный зал и устремилась к лестнице, не глядя по сторонам. Её пальцы уже искали в кармане ключ.

– Эй, куда так быстро? – раздался голос прямо за её спиной.

Она не успела среагировать. Лориан, ловко ускорившись, поймал её за край рукава, мягко, но недвусмысленно останавливая. Его пальцы ощутимо сжали ткань.

Морвина замерла, медленно оборачиваясь. Лориан смотрел на неё с прежней нагловатой улыбкой, но теперь в его глазах читалось не просто любопытство, а настороженность, смешанная с подозрением.

– Почему вы убегаете? – спросил он, чуть склонив голову. – Бойтесь нас?

Вопрос висел в воздухе, острый как клинок. Торвин и Каэлан остановились чуть поодаль, наблюдая. Вся её натура, всё её «ведьмовское» естество кричало, чтобы она соврала, съехидничала, отшутилась. Но в голове пронеслась мысль: «Обычная девушка. Простая. Неискушенная. Честная до глупости».

Она подняла на него глаза, широко раскрыв их, и позволила голосу дрогнуть – не от страха разоблачения, а от симулированной, простодушной робости.

– Да, – выдохнула она, и это прозвучало так искренне, что даже Лориан на мгновение смутился. – Вы страшные.

Она не отводила взгляда, позволив ему увидеть в её глазах чистую, непритворную тревогу перед людьми в кольчугах, с холодным серебром на груди, которые говорят о погонях и боях. Тревогу деревенской девчонки перед вооруженными мужчинами.

– У вас оружие, – продолжила она, чуть оттягивая рукав из его ослабевших пальцев. – И вы про троллей говорите, и про охоту... Я просто травы собираю. Мне страшно, когда рядом такие как вы.

Лориан выпустил её рукав. Его ухмылка потускнела, сменившись выражением досады и легкого разочарования. Он ожидал хитрости, уловки, а получил детскую прямоту, которую даже неловко было подозревать.

– Мы не тронем мирных жителей, – сухо произнес Торвин, все так же стоя в стороне. В его голосе звучало скорее усталое раздражение на Лориана, чем обращение к ней.

Но главным был взгляд Каэлана. Он молча смотрел на эту сцену, и в его глазах Морвина не увидела ни смущения, ни разочарования. Там был лишь холодный блеск. Как будто он мысленно ставил галочку: «Реакция – в рамках нормы для данного социального типа. Но требует дальнейшего наблюдения».

– Простите, если напугали, – наконец произнес Каэлан, и его голос был ровным, вежливым, но без тени тепла. – Вы правы, наша работа редко бывает мирной. Спокойной ночи.

Морвина кивнула, не сказав больше ни слова, и, наконец, повернулась к лестнице. На этот раз её не останавливали. Она поднялась на второй этаж, вставила ключ в скрипучую скважину и втокнула себя в свою каморку, притворив дверь.

Только оказавшись в знакомой, пропахшей пылью темноте, она прислонилась к двери спиной и позволила себе задрожать – мелкой, неконтролируемой дрожью. Это был не страх. Это была разрядка чудовищного напряжения.

Бублик вылез из корзинки.

«Страшные?» – мысленно протянул он, и в его «голосе» слышалось одобрение. – *Гениально. Иногда самый простой ответ – самый сложный для опровержения. Они теперь будут искать хитрость в твоей простоте и запутаются».*

– Они не запутаются, – прошептала Морвина. – Особенно их командир. Он просто переведёт меня в категорию «низкий приоритет, но держать в поле зрения». Нам всё равно нужно уходить, Бублик. И как можно скорее. Только теперь они будут следить. Хотя бы краем глаза.

«Значит, уходить будем не ногами, – философски заметил Бублик, умывая лапкой мордочку. – Пора вспомнить, что ты ведьма. Пусть и на пенсии. Самые простые вещи иногда требуют магии. Например, чтобы тебя... забыли».

На следующее утро завтракать Морвина спустилась рано, надеясь занять столик в углу и исчезнуть до появления охотников. Но судьба, казалось, решила испытать её чувство юмора на

прочность. Едва она уселась с миской овсяной каши и куском чёрствого хлеба, как на лестнице раздались тяжёлые шаги.

Они вошли в зал все вместе – Каэлан, Торвин и чуть помятый, но не менее бдительный Лориан. Их взгляды скользнули по полупустому помещению и остановились на ней. Не было даже момента колебания. Они направились прямо к её столику.

Лориан с откровенной наглостью уселся справа от неё на скамью. Торвин, вздохнув, занял место слева, отрезав путь к отступлению. Каэлан сел напротив, так что их взгляды были направлены прямо на её лицо. Она оказалась в центре маленького, душного треугольника из кольчуг и подозрений.

– Доброе утро, – ровно сказал Каэлан, его глаза скользнули по её тарелке, будто оценивая содержимое на предмет скрытых магических символов. – Не помешаем?

«А если помешаете?» – яростно подумала Морвина, но вслух лишь выдавила: «Доброе».

Хозяйка принесла им миски с дымящейся кашей и кувшин эля. Наступило тягостное молчание, нарушаемое лишь звуками ложек. Морвина попыталась сделать вид, что полностью поглощена едой. Она поднесла ложку ко рту, но её рука чуть дрожала. Каша показалась невероятно сухой. Она проглотила слишком большой комок, и он застрял в горле, вызвав спазм.

Она подавилась. Не театрально, не для отвода глаз, а по-настоящему, с хриплым, сдавленным кашлем и слезами, выступившими на глазах. Она схватилась за грудь, беспомощно кашляя, чувствуя, как лицо заливают краска от усилий и унижения.

Лориан фыркнул. Торвин, не глядя, протянул ей свой недопитый кувшин с элем.

– Запейте, – буркнул он без особого участия.

Морвина, не раздумывая, схватила кувшин и сделала несколько жадных глотков, смывая злополучную кашу. Эль был тёплым и горьковатым, но он сработал. Отдышавшись, она с мокрыми от слёз глазами и красным лицом посмотрела на Торвина.

– С- спасибо.

– Не за что, – он взял кувшин обратно и спокойно продолжил есть, будто ничего не произошло.

Но Каэлан наблюдал. Он не предложил помощи, не сделал ни одного жеста. Он просто смотрел на этот маленький, жалкий эпизод с тем же бесстрастным выражением. Для него это было ещё одним штрихом к портрету. Паникующая, неловкая девушка. Или очень хорошая актриса?

– Осторожнее, – наконец произнёс он, и в его голосе было что-то странное не сочувствие, а скорее констатация факта. – Еда здесь хоть и простая, но требует уважения.

Морвина кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Она снова опустила глаза в свою миску, но аппетит пропал напрочь. Каждый звук их ложек, каждый их вздох отдавался в её ушах громче, чем кашель. Она сидела, сгорбившись, пытаясь сделать себя как можно меньше, чувствуя, как под столом к её ноге прижимается маленькое тёплое тельце Бублика – он пробрался вниз, чтобы быть рядом.

– Сегодня мы покидаем Барлтон, – неожиданно заявил Каэлан, обращаясь, казалось, ко всем сразу, но его взгляд был прикован к реакции Морвины. – Наша работа здесь завершена. На время.

Морвина почувствовала, как в груди что-то ёкнуло – смесь облегчения и новой тревоги. Они уходят. Но «на время».

– Удачи, – прошептала она в свою кашу.

– Спасибо, – ответил Каэлан. Он отпил из своего кувшина. – Возможно, наши пути ещё пересекутся. Мир тесен. Особенно для тех, кто много путешествует по делам.

Они доели в почти полной тишине. Когда охотники поднялись, чтобы уйти собирать вещи, Морвина не осмелилась поднять на них глаза. Она слышала, как их шаги удаляются по лестнице, затем звук открывающейся и закрывающейся двери в их комнату.

Только тогда она позволила себе выдохнуть, разжав ладони, в которых отпечатались ногти. Её рубашка на спине была мокрой от холодного пота.

«Они уходят, – мысленно констатировал Бублик, вылезая из-под стола. – Но он, высокий, оставил занозу. Он знает, что ты что-то скрываешь. Не знает, что, но знает».

«Знает, – согласилась Морвина, отодвигая тарелку с почти нетронутой кашей. Она смотрела на пустой стул напротив, где сидел Каэлан. Его присутствие, кажется, впиталось в дерево. – Но сейчас у нас есть форы. Несколько часов, пока они будут собираться и выдвигаться. Нужно сделать то, что я должна была сделать вчера. Уйти. Но не по дороге. Так, чтобы даже он не догадался, куда».

Она поднялась, оставив на столе пару медяков. Возвращаться в комнату было опасно – они могли зайти «попрощаться». Она быстро взяла корзинку, где уже лежали её нехитрые пожитки (они всегда были наготове), и, не глядя на хозяйку, выскользнула через заднюю дверь, ведущую в тот самый свиной загон во дворе.

Свинья, знакомая по вчерашнему дню, лениво хрюкнула ей в след. Морвина перелезла через низкий забор и оказалась на грязной, забытой тропинке, огибавшей городскую стену. Она не оглядывалась. Она шла быстро, почти бежала, но уже не от страха, а к новой, хрупкой свободе. И впервые за долгое время позволила себе думать не о том, как быть обычной, а о том, как быть неуловимой. Это были, в конце концов, очень родственные понятия.

Уйти удалось. Не то чтобы изящно – с заднего двора, облитая свиным взглядом и вонью, – но быстро и незаметно. Морвина шла без остановок до самого вечера, свернув с тропы только для того, чтобы нырнуть в густую чащу и переждать ночь, дрожа от холода и прислушиваясь к каждому шороху. На следующий день она уже ступала по каменистой тропе, ведущей в холмистые Вольные долины.

Глава 2

Несколько дней прошли в странном подвешенном состоянии. С одной стороны – головокружительное чувство свободы. Никто не пялился на неё за ужином, не задавал колких вопросов. Воздух пах не дымом очага таверны, а полынью, хвоей и далёкими дождями. Бублик, вернувшийся в привычный облик, с удовольствием рыскал в траве в поисках съестного. С другой стороны – тишина. Та самая, подозрительная тишина, о которой говорил Каэлан.

И именно в этой тишине начала нарастать новая, более знакомая и оттого не менее жуткая угроза. Мысль о ковене.

Пока она пряталась от инквизиции, страх перед «Чёрными Ласточками» отодвинулся на второй план. Теперь же, когда непосредственная опасность в лице охотников (казалось бы) миновала, этот страх вернулся, обогащенный новой информацией. Их ищут. Каэлан говорил это прямо. Ковен активен, они рядом, они в поиске. Ищут не просто ведьму. Ищут беглянку. Слабое звено. Ту, что может их выдать.

Морвина остановилась на привале у ручья, моя лицо ледяной водой, и поймала себя на том, что глазами автоматически ищет в узоре листьев на противоположном берегу силуэт ласточки. Или на слух ловит не птичий щебет, а особый, условный свист, которым «Ласточки» подавали сигналы на болотах.

– Они не простят, – тихо сказала она вслух, глядя на своё отражение в воде. Оно было бледным, с тёмными кругами под глазами. – Матушка Илга не из тех, кто прощает дезертирство. А теперь, после всей этой истории с инквизицией, если они узнают, что я чуть не навела на них Каэлана...

Она не договорила. Последствия были ясны. Ковен не стал бы сжигать её на костре – это слишком заметно и пахло бы символизмом, на который они плевали. Скорее всего, её ждало бы «внутреннее разбирательство». Тихий, без свидетелей, где в ход пошли бы не серебро и сталь, а костяные Илгы, чёрные корни и магия, которая не убивает, а ломает. Превращает в послушную тень, в живой маяк, или в удобрение для тех самых чёрных тростников.

Бублик, сидя на камне, чистил лапкой усы.

«Думаешь, они уже знают про инквизицию?» – спросил он.

– Должны знать, – ответила Морвина, садясь на землю и обхватив колени. – Их дозорные видели нас на болоте. Они могли проследить за охотниками, увидеть, что те нашли кинжал Илги. Они не дуры. Сложат два и два. Поймут, что это была провокация. И начнут искать того, кто её устроил. А кто на болоте в тот день был, кроме них и инквизиции? Та самая беглянка на странной собаке.

«Тогда мы меняем не только локацию, – философски заметил Бублик. – Мы меняем статус. Раньше ты была просто дезертиром. Теперь ты – предатель и провокатор. В их глазах».

Это было похоже на правду. И от этой правды становилось не по себе. Инквизиция была безликой силой, машиной, следующей догме. А ковен это была личная месть. Месть бывшей семьи, которая знает все твои слабости, привычки, страхи.

Вечером, разводя крошечный, почти бездымный костёр (рискуя лишь потому, что холода уже пробирались до костей), Морвина достала свою карту. Вольные долины были перед ней, но теперь они не казались убежищем. Они казались просто новой, неизведанной территорией, где её точно так же могут найти.

– Нужно не просто прятаться, – прошептала она, следя, как тени от плачка пляшут на пергаменте. – Нужно исчезнуть по-настоящему. Сменить не только имя и внешность. Стать

настолько скучной, настолько заурядной, чтобы даже матушка Илга, с её магией поиска, прошла мимо, приняв за очередную деревенскую дурочку.

«И как мы это сделаем?» – спросил Бублик, грея лапки у огонька.

– Не знаю, – честно призналась Морвина. – Но начинать надо с того, чтобы найти самое неведьмовское место во всех Долинах. Или научиться жить так, чтобы моя магия стала неотличима от простого везения, удачного стечения обстоятельств. Чтобы чай, который я буду заваривать, просто хорошо согревал, а не лечил от всех болезней. Чтобы мои предчувствия выглядели как женская интуиция. Чтобы...

Она замолчала, услышав вдалеке волчий вой. Обычный, лесной звук. Но ей он почудился смехом. Хриплым, знакомым смехом матушки Илги.

Спустя несколько дней блужданий по холмистым предгорьям Бартлона, Морвина наконец нашла то, что искала – не уютную ферму, а заброшенную лесную сторожку. Маленькая, покосившаяся избушка под слоем хвои и мха выглядела так, будто её последний обитатель скончался от скуки сто лет назад. Идеально.

Она с облегчением занесла ногу за порог, убирая карту в корзинку, как вдруг её взгляд упал в тень под полом. Там, в прохладной сырости, что-то шевельнулось.

Не одно, а несколько.

Маленькие, с горбоватыми спинами, покрытые влажной, скользкой на вид кожей болотного цвета. У них были крошечные, но острые, как Илгы, когти на лапах и круглые, абсолютно чёрные, бездонные глаза. Их рты, больше похожие на щели, беззвучно шевелились.

Слизнегрызы.

Мелкая, но мерзкая нечисть, родом с тех же болот, любившая селиться в тёмных, заброшенных местах и питавшаяся не столько плотью, сколько страхом и паникой. А сейчас они явно решили, что обед сам пришёл к ним в дом.

Морвина вскрикнула – коротко, пронзительно, от чистейшего, животного ужаса перед этой внезапной, скользкой мерзостью. Все её мысли о скрытности, о запрете на магию испарились. Она развернулась и бросилась бежать прочь от избушки, вверх по узкой лесной тропе, поднимавшейся на холм. За её спиной послышалось шуршание и тихое, похожее на бульканье, шипение.

«Тупой запрет на магию!» – яростно прошипел в её голове голос Бублика, который из корзинки превратился в цепкую, перепуганную крысу на её плече. «Один всплеск, один щелчок – и они бы уснули на неделю!»

– Не могу! – выдохнула Морвина на бегу, спотыкаясь о корни. Сердце колотилось о рёбра. Мысль о том, что ковен может учуять магическую вспышку, была сильнее страха перед слизнегрызами. Но лишь чуть- чуть.

Она выскочила из чащи на более открытый склон и замерла. В двадцати шагах от неё, у большого валуна, стояли трое. Кольчуги, плащи, серебряные амулеты. Каэлан, Торвин и Лориан. Они явно обследовали местность, и их разговоры резко оборвались, когда она вынеслась на тропу, бледная как смерть, с перекошенным от ужаса лицом.

Их взгляды встретились на долю секунды. В глазах Каэлана мелькнуло мгновенное, леденящее понимание – он не видел угрозы в ней, он увидел, что угроза гналась за ней. Его рука уже лежала на рукояти меча.

Морвина, не раздумывая, пронеслась мимо них, как вихрь, и встала за их спинами, цепляясь за камень, чтобы не упасть.

Охотники даже не успели её спросить. Из-за поворота тропы выплыли слизнегрызы. Они двигались не быстро, но неприятно целенаправленно, их чёрные глазки-бусинки были зафиксированы на группе людей.

– Чёрт, – спокойно выругался Торвин, выхватывая короткий боевой топор. – Слизнегрызы. Мелкая дрянь.

– Не давайте окружить! – скомандовал Каэлан, его меч с лёгким звоном вышел из ножен. Лориан, с готовностью вытащивший свой клинок, криво усмехнулся.

– Ну хоть не тролль!

Завязалась короткая, жестокая схватка.

Топор Торвина с глухим стуком разбивал хитиновые спины. Меч Каэлана описывал точные, молниеносные дуги, отсекая когтистые лапы. Лориан, азартно ругаясь, колот и рубил, отбрасывая тварей в сторону.

Слизнегрызы шипели, их тела при ударах издавали звук, как будто лопаются мокрые пузыри. Но они были упрямы и многочисленны – из леса выползали всё новые.

Морвина, прижавшись к камню, наблюдала, затаив дыхание. Она видела слаженность их действий, холодную эффективность Каэлана, грубую силу Торвина, лихую отчаянность Лориана. Это было одновременно ужасающе и завораживающе.

И в самый разгар боя она заметила то, что упустили они. Ещё один слизнегрыз, самый крупный, прополз по самой кромке тропы, скрываясь в высокой траве, и теперь, описав дугу, направлялся прямо к ней, к её ногам, отрезанной от основного боя. Его рот уже раскрывалась, обнажая ряды крошечных, острых как бритва зубов.

Она открыла рот, чтобы крикнуть, но голос застрял в горле. И в этот момент Лориан, отбросив очередную тварь, мельком глянул через плечо. Его взгляд скользнул по её лицу, по направлению её ужасного взгляда, и он мгновенно сориентировался.

– Назад! – рявкнул он, не к ней, а к твари, и одним резким движением шагнул вперёд, буквально вставив себя между Морвиной и слизнегрызом. Он не стал фехтовать. Он просто с силой, всей тяжестью тела, припечатал тварь к земле остриём своего меча, а затем, наступив ногой, резко дёрнул клинок на себя с отвратительным хрустом.

Всё стихло. Последние слизнегрызы, лишившись, видимо, вожака, поспешно отползли назад, в чащу. На тропе осталось лишь несколько медленно расплывающихся, зеленоватых луж.

Лориан вытер клинок о плащ и повернулся к Морвине. Он дышал немного учащённо, на его щеке была царапина, но в глазах горел знакомый, нагловатый огонёк.

– Ну что, травница, – сказал он, тяжело дыша. – Водичка у вас тут интересная.

Морвина не могла вымолвить ни слова. Она смотрела то на него, то на расплывающуюся тварь у его ног. Он, этот глупый, надоедливый хвастун, только что спрятал её за своей спиной и убил монстра, на которого она, ведьма, побоялась тратить магию Из-за страха быть обнаруженной. Ирония ситуации была настолько горькой и нелепой, что у неё внутри всё перевернулось.

Каэлан, уже вложивший меч в ножны, смотрел на эту сцену своим всевидящим взглядом.

Он ничего не сказал. Но Морвина знала – он всё записал. Её панику, её немоту, её беззащитность. И тот факт, что опасность для неё оказалась настолько приземлённой и физической. Не магия, не ковен. Просто лесная нечисть.

«Обычная жизнь, – с горькой усмешкой подумала она, чувствуя, как дрожь наконец отпускает её тело. – Оказывается, она включает в себя и таких необычных спасителей». И впервые за долгое время она почувствовала не просто страх перед этими людьми, а сложную, неприятную смесь стыда и невольной благодарности.

Тишину, наступившую после боя, разорвал низкий, хриловатый голос Торвина. Он чистил лезвие топора о мох, не глядя ни на кого.

– Зато мы теперь точно убеждены, что она не ведьма, – произнес он, и в его голосе звучала не насмешка, а суровая, почти профессиональная констатация факта.

Лориан, который, только что закалывал последнего слизнегрыза, резко обернулся и расхохотался. Его смех был громким, искренним и немного нервным – сброс адреналина после короткой схватки.

– Точно! – воскликнул он, снова поворачиваясь к Морвине и оглядывая её с головы до ног с новой, развеселившей его оценкой. – Ни одна уважающая себя ведьма не стала бы с визгом убегать от этой слизи. Уж точно не забыла бы заклинания, чтобы превратить их в жабы пузыри. Ведь так, красавица?

Морвина стояла, всё ещё прижавшись спиной к камню. Внутри у неё бушевал ураган из неловкости, облегчения и чудовищной иронии. Самый стойкий её защитник – запрет на магию – только что превратился в железное алиби в глазах её главных врагов. Это была победа, от которой во рту оставался вкус пепла.

Она опустила глаза, делая вид, что дрожит от остаточного страха (а она и правда дрожала, но от смеси эмоций).

– Я... я не знаю, что делают ведьмы, – прошептала она, и это была чистая правда. – Я знаю, что они страшные. Как и эти твари.

– Эти – просто надоедливые паразиты, – отозвался Каэлан. Он спокойно осматривал территорию, ища признаки чего-то большего. Его взгляд скользнул по её бледному лицу, по сжатым на корзинке пальцам, по Бублику, который, притворяясь перепуганной мышью, зарылся в складки её платья. – Но ваша реакция была естественной. Большинство мирных жителей впадает в ступор или бежит. Вы побежали. Здравый смысл.

Он произнёс это без похвалы. Как констатацию. Но для Морвины это прозвучало как приговор. Её «естественность» была её лучшей маскировкой и самым большим унижением одновременно.

Ведьма, которую спасли охотники на ведьм от болотной мошки.

Её гордость рычала где-то глубоко внутри, но разум ликовал: они поверили.

– Спасибо, – выдавила она, наконец, поднимая на них глаза. На этот раз в её взгляде не было притворной робости, а была неподдельная, хоть и смущённая, благодарность. – Я бы не справилась.

– Видели бы, как справились, – парировал Лориан, но уже без прежней ехидцы. Теперь он смотрел на неё как на интересный, но абсолютно безопасный предмет. Диковинку. – Инстинкт выживания – сильная штука. Хотя, конечно, лучше с такими штуками одному не ходить. Особенно сюда. Что ты тут вообще забыла?

Вопрос повис в воздухе. Прямой, неудобный. Каэлан прекратил осмотр и снова сосредоточился на ней.

Морвина быстро соображала. Сказать правду – что искала убежище – нельзя.

– Я искала редкий мох, – сказала она, снова обращаясь к своей легенде травницы, но добавляя детали. – Для повитухи из деревни внизу. Говорят, он помогает при тяжёлых родах. Растёт в самых глухих, сырых местах. – Она кивнула в сторону покосившейся сторожки. – Думала, там посмотреть. Но не успела.

Повитуха, роды – это было гениально. Это вызывало не подозрение, а скорее снисходительное понимание, даже у таких суровых мужчин.

Торвин хмыкнул, вешая топор на пояс.

– Мох. Конечно. В следующий раз бери с собой палку подлиннее и кричи громче, пока будешь его искать. На крик хоть кто-нибудь да прибежит. Хотя бы такие же слизнегрызы.

Каэлан молчал ещё несколько секунд, затем кивнул, как будто ставя в деле точку.

– Мы провожаем вас до ближайшей деревни, – заявил он. – Эта местность небезопасна. И, как выяснилось, не только Из-за троллей.

Это был не вопрос.

Морвина понимала, что отказаться – значит снова вызвать подозрения. Слишком настойчивое желание остаться одной после только что пережитого ужаса было бы странным.

– Хорошо, – тихо согласилась она. – Спасибо.

Они двинулись вниз по тропе. Теперь она шла в центре их небольшого отряда: Лориан впереди, бодро раздвигая ветки, Торвин сзади, и Каэлан рядом, но чуть в стороне, его взгляд постоянно сканировал окрестности. Молчание между ними было уже не таким враждебным. Для них она теперь была не загадкой, а простой, немного неудачливой девушкой, которой не повезло наткнуться на нечисть. Загадка была решена, дело закрыто.

«Поздравляю, – мысленно пропищал Бублик из складок её платья. – Теперь ты официально самая безобидная травница в долине. Даже охотники подтвердили. Ковен, правда, может быть другого мнения».

Дорога до деревни, если идти не спеша, занимала чуть больше часа. Они шли уже большую часть пути, когда случилось нелепое происшествие.

Тропа сузилась, огибая крутой склон. Лориан, шедший впереди, что-то оживлённо рассказывал Торвину о том, как однажды «уложил трёх гарпий одним выстрелом из арбалета». Размахивая руками для убедительности, он неловко задел плечом Морвину, которая как раз выбирала место, куда ступить.

– Ой, прости! – автоматически буркнул он, даже не оборачиваясь.

Но для Морвины, и так шедшей на нервах, этого лёгкого толчка хватило. Её нога ступила не на плотную землю, а на небольшой, скользкий от влаги камешек. Она почувствовала, как стопа подворачивается внутрь с резкой, отвратительной болью. Вскрикнуть она не успела – только ахнула, потеряв равновесие, и грузно приземлилась на бок, хватаясь за подвернутую щиколотку.

Боль была мгновенной и острой, как укус осы, только глубоко в суставе. Слезы сами брызнули из глаз.

Все разом остановились. Лориан обернулся, и его самодовольное выражение сменилось растерянностью.

– Эй! Я же не сильно...

– Отойди, – отстранил его Торвин, опускаясь на одно колено рядом с Морвиной. – Где болит?

Морвина не могла говорить, она лишь сжала зубы и указала на распухающую на глазах лодыжку. Бублик, выпав из корзинки, беспомощно засуетился рядом, издавая тревожные пiski.

Каэлан приблизился и смотрел не на ногу, а на её лицо, изучая реакцию. Боль была слишком реальной, чтобы её симулировать.

– Серьёзно? – пробормотал Лориан, виновато потирая затылок. – Ну, я же не нарочно...

– Всем ясно, что не нарочно, – сухо отрезал Торвин. Его большие, грубые руки с удивительной аккуратностью ощупали щиколотку. Морвина вздрогнула. – Вывиха, кажется, нет. Растяжение, и сильное. Ходить не сможет.

Последняя фраза повисла в воздухе тяжёлым вопросом. Что делать с хромой травницей после леса?

Каэлан вздохнул. Это был не раздражённый, а стратегический вздох человека, чьи планы снова пошли наперекосяк Из-за глупой случайности.

– Неси её, – коротко бросил он Лориану.

Тот аж подпрыгнул.

– Я? Но я...

– Ты толкнул, ты и неси, – невозмутимо закончил Торвин, поднимаясь. – Или хочешь, чтобы командир это сделал? Или я?

Лориан смерил Морвину взглядом (она была худой, но не факельной), покраснел от досады и, бормоча что-то невнятное про «несчастные случаи», нехотя наклонился.

– Ладно, ладно. Держись за шею. Только, чур, не души.

Морвина была слишком ошеломлена болью и унижением, чтобы протестовать. Она обхватила его шею, а он, кряхтя, подхватил её под коленями и приподнял. Было неудобно, стыдно и невероятно неловко. Она висела у него на руках, как мешок с сеном, а её корзинку с причитающим Бубликом взял Торвин.

Лориан пошёл вперёд, стараясь не смотреть на её лицо, которое было прижато к его кольчуге. От неё пахло травами, страхом и теперь ещё болью.

– Легче, чем кажется, – пробормотал он больше для себя, спотыкаясь на кочке.

Морвина молчала, глотая слёзы. Вся её тщательно выстроенная маска обычности теперь треснула по швам Из-за дурацкого камешка и неловкости охотника. Она была не просто беспомощной – она была обузой. И самое смешное (если бы не было так больно), что это окончательно хоронило в их глазах любые подозрения в её колдовской природе. Какая ведьма позволит подвернуть ногу и тащиться на руках у того, кого боится?

Каэлан шёл рядом, и его молчание было красноречивее любых слов. Он наблюдал за этой нелепой процессией.

Они дошли до деревни – кучки домиков у ручья – как раз тогда, когда первые дымки начали подниматься над трубами. Жители, увидев охотников с девицей на руках, повыскакивали из домов с округлившимися глазами.

– Неси в ту избу, – кивнул Каэлан на самый крупный дом, очевидно, старосты. – Объясним. А потом нужно думать, что с ней делать.

Лориан, красный от напряжения и смущения, понёс Морвину через деревню под пристальными взглядами местных. Она закрыла глаза, желая провалиться сквозь землю. Её план «исчезнуть» обернулся позорным прибытием в деревню на руках у инквизитора. Ирония судьбы, казалось, решила поставить на её жизни жирную, уродливую точку. Или многоточие. Пока непонятно.

Лориан, красный от напряжения и смущения, нес Морвину по деревне под пристальными взглядами местных и, наконец, внёс её в указанный Каэланом дом старосты. Внутри пахло дымом, кислым тестом и спокойным уютом, который казался Морвине теперь насмешкой.

Староста, бородатый мужик с озабоченным лицом, кивнул на дверь в боковую комнатушку – что-то вроде постоянной горницы, где стояла одна широкая кровать с грубым одеялом и табурет.

– Вот тут, господа охотники, как раз... – начал он, но его перебил Каэлан, который вошёл следом.

Командир окинул комнату быстрым, оценивающим взглядом и, не меняя выражения, вынес вердикт:

– Лориан, ты остаёшься здесь. На ночь.

В воздухе повисло изумлённое молчание. Лориан, всё ещё державший Морвину на руках, аж дёрнулся.

– Я?! Здесь?! Но командир, она же де...

– Именно поэтому, – холодно отрезал Каэлан. – У неё травма. Может стать хуже, понадобится помощь. Или могут быть другие проблемы. Ты за всё в ответе.

Он бросил взгляд на Торвина, который стоял в дверях с каменным лицом, но в его глазах читалось явное несогласие. Однако возражать командиру они не посмели.

– Утром решим, как быть дальше, – закончил Каэлан и, не дожидаясь возражений, развернулся и вышел, плотно прикрыв за собой дверь. За ним, бормоча что-то о чести и дополнительном сене, удалился и староста.

В маленькой, душной комнате остались они вдвоём. Лориан стоял посреди комнаты, всё ещё держа Морвину на руках, будто забыв, что можно её опустить. Его лицо выражало полнейшую растерянность и нарастающее возмущение от абсурдности приказа.

Морвина, измученная болью, стыдом и всей этой нелепой ситуацией, тихо вздохнула. Её руки всё ещё были обвиты вокруг его шеи. Она подняла голову и, преодолевая волну неприязни и неловкости, посмотрела ему прямо в глаза.

– Может, ты куда-нибудь меня посадишь? – тихо, но очень чётко спросила она.

Их взгляды встретились и задержались. В её глазах не было ни страха, ни мольбы, только усталое, почти апатичное ожидание. Но эта прямота, это спокойное требование элементарного удобства, брошенное в лицо человеку, который только что был готов возмущаться её присутствием, сработало.

Лориан смутился. Яркая краска залила его скулы, и он резко отвернулся, словно пойманный на чём-то постыдном. Он неловко, почти швырком, опустил её на край кровати, так что она взвизгнула от неожиданной боли в ноге.

– Вот сиди, – пробормотал он, отскакивая на пару шагов и уставившись в пол. – И не дёргайся.

Он был смущён, зол на командира, на ситуацию и, кажется, немного на самого себя за эту свою вспышку смущения. Он отвернулся и начал с шумом снимать плащ и разминать затекшие плечи, делая вид, что осматривает ничем не примечательные стены.

Морвина, устроившись поудобнее и оперевшись спиной о стену, наблюдала за ним. В его смущении была странная победа. Он, охотник на ведьм, грубоватый хвостун, был сбит с толку простой просьбой раненой девушки. Он теперь видел в ней не объект подозрения или обузу, а человека, которого ему вменили в обязанность, и это раздражало его больше всего.

Бублик, тихо выбравшись из корзинки, устроился у неё под боком, излучая мысленное недоумение.

«Ну вот. Твоя спальня теперь охраняется личным охранником из инквизиции. Роскошь, не иначе».

«Тише, – мысленно ответила Морвина. – По крайней мере, теперь он точно уверен, что я не левитирую по ночам и не творю заклинания. Или, по крайней мере, ему будет очень неудобно это проверять».

Морвина наблюдала, как Лориан, отвернувшись, с преувеличенной тщательностью раскатывает на полу свой плащ, будто готовит постель для королевского смотра, а не для ночёвки в душной каморке. И странное дело – ей польстило его смущение. И это сбивало его, этого самоуверенного охотника, с толку.

Боль в ноге была тупой, ноющей, но двигаться было необходимо. Стиснув зубы, она оперлась на руки и, не вставая на повреждённую ногу, еле-еле приподнялась. Затем, одним неловким движением, стянула с себя верхнюю грубую накидку, оставшись в простом, поношенном платье. Холодный воздух комнаты коснулся кожи, и она поспешно подняла тяжёлое, пахнущее сеном и овчиной одеяло и залезла под него, устроившись у самой стены. Ткань платья была тонкой, и под грубым одеялом она почувствовала себя одновременно уязвимее и решительнее.

Лориан услышал шорох и мельком глянул через плечо. Увидев, что она уже в кровати, он как будто слегка выдохнул – одна проблема меньше. Снова отвернулся, чтобы снять сапоги.

Тишина в комнате была густой, как кисель. И в этой тишине Морвина произнесла тихо, но очень чётко:

– Лориан?

Он вздрогнул, будто его окликнули на ученье.

– Что ещё?

– Ложись.

Он обернулся, нахмурившись, не понимая. Морвина лежала, прижавшись к стене, и била ладонью по свободному месту на широкой кровати.

– Кровать широкая. На полу холодно и жестко. Ты же завтра ещё, наверное, бегать должен.

Он устался на неё, затем на указанное место, затем снова на неё. Его лицо снова залила краска – на этот раз от смеси возмущения, неловкости и полнейшего недоумения.

– Ты с ума сошла? – вырвалось у него хриплым шёпотом. – Я не...

– Я не предложение делаю, – спокойно перебила его Морвина, и её голос звучал устало, но без дрожи. – Я логику включаю. Командир сказал тебе здесь ночевать. Не сказал – мучиться на полу. И следить за мной с пола не очень удобно, если что. Ложись, повернись спиной и спи. Или ты боишься, что я тебя заколдую? – она позволила себе лёгкую, едва уловимую усмешку в голосе.

Это был рискованный ход. Но она видела его смущение, видела, как он варится в собственном соку от неловкости приказа командира. И использовала это.

Лориан открыл рот, чтобы что-то возразить, но слова застряли. Страх перед её колдовством? После сегодняшнего – он бы сам над этим рассмеялся. Боязнь компрометирующей ситуации? Но она лежала у стены, и места между ними было достаточно для ещё одного человека. А холодный, твёрдый пол действительно не сулил ничего хорошего для утра после боя и долгого дня.

Он мрачно посмотрел на свою постель из плаща, потом на широкую деревянную кровать. Борьба между гордостью, приличиями и простым желанием поспать нормально была написана у него на лице. Гордость проиграла.

– Только чтобы ты не думала... – начал он угрожающе, но голос сдулся.

– Я не думаю ничего, – отрезала Морвина, поворачиваясь лицом к стене и натягивая одеяло до подбородка. – Спокойной ночи.

Она слышала, как он ещё пару секунд стоит, бормоча что-то себе под нос, затем тяжёлые шаги приблизились к кровати. Услышала, как он снимает кольчугу. Матрас поддался и скрипнул под его весом. Он улёгся на самый край, спиной к ней, напряжённый как струна, стараясь даже одеялом не соприкоснуться. Между ними образовалась целая пропасть из неловкости и холода.

Но он лёг.

Морвина закрыла глаза, чувствуя странное, крошечное удовлетворение. Она не просто выживала в этой игре. Она начала в неё играть. Используя их правила, их предрассудки и даже их смущение. Бублик, забившийся в ногах под одеялом, мысленно присвистнул.

«Смело. Очень смело. Надеюсь, он не храпит».

«Если будет храпеть, разбужу и отправлю на пол, – мысленно парировала Морвина. – А теперь спи. Завтра нам нужны свежие силы. Для чего – я пока не знаю».

Ночь была тревожной и прерывистой. Морвина проваливалась в тяжёлый, болезненный сон, где за ней гнались то слизнегрызы с глазами матушки Илги, то она падала с обрыва, и её лодыжка горела огнём. Каждый раз она просыпалась с колотящимся сердцем, прислушиваясь к звукам в темноте: равномерному, тяжёлому дыханию Лориана с края кровати, шороху мыши за стеной, далёкому крику ночной птицы. Она лежала, уткнувшись лицом в прохладную стену, а больная нога пульсировала назойливым, тупым ритмом.

В один из таких моментов полудрёмы, когда граница между сном и явью стала размытой, она почувствовала необычное движение рядом. Не резкое, а медленное, полусонное. Сильное тепло приблизилось к её спине. Чья-то рука – тяжёлая, в грубой рубахе – обвилась вокруг её талии. Затем всё его тело придвинулось, и её прижали спиной к широкой, твёрдой груди, укрыв с головой краем одеяла, которое он, видимо, стащил с себя во сне.

Морвина замерла.

Лориан во сне тяжело вздохнул у неё в волосах, и его дыхание стало ровным и глубоким. Он крепко прижимал её к себе, как ребёнка прижимают к защите от ночных кошмаров.

Сердце девушки забилось чаще, но уже не от страха.

От нелепости.

От абсурда.

Охотник на ведьм, её личный тюремщик на эту ночь, теперь обнимал её во сне, как свою.

Она лежала неподвижно, чувствуя тепло его тела через тонкую ткань своего платья, слыша стук его сердца где-то у себя за спиной. Его хватка была крепкой, почти удушающей. Постепенно неловкость сменилась простым физическим дискомфортом – он действительно держал её слишком сильно, и дышать стало трудновато.

Осторожно, стараясь его не разбудить, она попыталась пошевелиться, но его рука только сжалась сильнее. Тогда она медленно, миллиметр за миллиметром, высвободила свою руку, которая была прижата между ними, и дотянулась до его шеи. Кожа на шее выше ворота рубахи была тёплой и шершавой. Она легонько положила на неё ладонь.

– Лориан, – сказала она тихим, сонным голосом, который звучал естественно в ночной тишине. – Не дави меня так сильно.

И – о чудо – он отреагировал. Не проснулся, но в его сне что-то щёлкнуло. Его хватка ослабла, рука чуть разжалась, давая ей возможность вздохнуть полной грудью. Он даже отодвинулся на сантиметр, бормоча что-то невнятное, вроде «ммрр... прости...». И погрузился обратно в сон, но теперь уже не прижимая её, а просто обнимая довольно свободно, как большую, живую подушку.

Морвина лежала, широко открыв глаза в темноте. На её губах дрожала странная, непрощенная улыбка. Это было смешно. До истерики смешно. Самый опасный человек в её текущей жизни только что во сне попросил у неё прощения за слишком крепкие объятия.

Бублик, проснувшийся от движения, мысленно фыркнул у неё в ногах.

«Ну что, устроилась поудобнее? Теперь у тебя есть персональная грелка с функцией защиты от плохих снов. Правда, та же грелка в теории должна тебя сжечь на костре. Но это детали».

«Детали, – мысленно согласилась Морвина, осторожно устраиваясь поудобнее в его расслабленных объятиях. Тепло было приятным. И безопасным в своей неосознанности. – Главное, что он спит. И я могу спать. И моя нога немного меньше болит, когда тепло».

Утро пришло не с первыми лучами солнца, а с резким, требовательным стуком в дверь. Морвина проснулась от этого звука и мгновенно осознала две вещи: первое – её нога болела так, будто её всю ночь молотили цепом; второе – она всё ещё была прижата спиной к Лориану, а его рука по-прежнему лежала у неё на талии, хоть и без ночной силы.

Стук повторился, и на этот раз его сопровождал голос Торвина:

– Лориан! Вставай! Командир ждёт отчёта!

Тело за спиной у Морвины вздрогнуло, напряглось, а затем Лориан, судя по всему, окончательно проснулся и понял, в каком положении находится. Он отпрянул от неё так резко, как будто обжёгся о раскалённое железо. Матрас жалобно взвизгнул. Морвина перевернулась на спину, чтобы посмотреть на него.

Он уже сидел на краю кровати, спиной к ней, и его уши были ярко-красными. Он судорожно поправлял смятый ворот рубахи, делая вид, что только что проснулся самым обычным образом.

– Иду! – рявкнул он в сторону двери, голос сорвался на хрипоту.

Морвина приподнялась на локте, поправляя своё платье.

– Ну что, сонный воин? – тихо спросила она, и в её голосе прозвучала легкая, почти незаметная усмешка.

Лориан обернулся, и на его лице читалась целая буря эмоций: смущение, злость на себя, досада и растерянность. Он избегал её взгляда.

– Ничего не было, – буркнул он, больше себе, чем ей. – Просто холодно было.

– Конечно, – кивнула Морвина с полнейшей, убийственной серьёзностью. – Очень холодно. Я чуть не замёрзла.

Он бросил на неё колючий взгляд, но, не найдя в её лице ни насмешки, ни укора, а лишь ту же усталую апатию, что и вчера, смущённо отвёл глаза. Поднялся, натянул сапоги и, не сказав больше ни слова, направился к двери. На пороге он обернулся, уже собравшись с мыслями.

– Ногу не трогай. Я щас вернусь.

И выскользнул наружу, плотно прикрыв дверь.

Морвина опустила на подушку и позволила себе тихо рассмеяться. Смех был нервным, сдавленным, но очень нужным. Вся ситуация была до невозможного комичной. Бублик вылез из-под одеяла, потягиваясь.

«Ну? Романтическое утро?»

«Романтичнее, чем быть съеденной слизнегрызами, – мысленно парировала она. – Принеси-ка мне корзинку, нужно посмотреть, что у нас там есть для опухшей ноги. Без магии, разумеется.»

Пока она ковыляла к краю кровати и рылась в корзинке в поисках оставшихся целебных трав, за дверью слышались приглушённые голоса.

Через некоторое время дверь снова открылась. Вошёл Лориан, но уже не один. С ним был деревенский лекарь – тощий старик с руками, трясущимися не от старости, а, похоже, от постоянного соседства с самогонным аппаратом. За ними в дверном проёме маячила фигура Каэлана.

– Дед, посмотри, – Лориан кивнул в сторону Морвины, его тон был нарочито грубоватым, чтобы скрыть остатки смущения. – Ногу подвернула.

Старик, бормоча, осмотрел лодыжку, пощупал, заставил Морвину скрипеть зубами от боли, и вынес вердикт:

– Растяжение. Не ходить три дня. Мазью мазать, бинтовать туго. Потом с палкой.

Три дня. Слово повисло в воздухе. Каэлан вошёл в комнату.

– У нас нет трёх дней, – сказал он без предисловий. – Наша миссия здесь завершена. Мы выдвигаемся сегодня.

Морвина почувствовала, как у неё внутри всё сжалось. Они уйдут. Оставят её здесь, хромую, в незнакомой деревне, где о ней уже ходят слухи, и где рано или поздно могут навести справки либо ковен, либо любопытные местные, связанные с тем же ковенном. Это был приговор.

Лориан что-то промычал, глядя в пол.

– Командир, но...

– Но что? – Каэлан посмотрел на него. Взгляд был тяжёлым.

– Она же не пойдёт, – выдавил Лориан. – Бросить её тут после вчерашнего не по-честному.

Каэлан изучающе посмотрел то на Лориана, то на Морвину. В его глазах шли расчёты. Оставить её – значит, возможно, создать ещё одну точку напряжения, о которой потом могут спросить. Взять с собой – обуза, замедление. Но...

– Есть повозка у старосты, – негромко сказал Торвин с порога. – За отдельную плату до следующего селения доведёт. Можем договориться.

Каэлан несколько секунд молчал, затем кивнул.

– Хорошо. Договаривайся. Лориан, ты отвечаешь за неё до той повозки. И в повозке. Понятно?

Лориан кивнул, не глядя на командира. Каэлан развернулся и вышел, уводя за собой лекаря. Торвин бросил на Лориана невыразительный взгляд и последовал за ним.

В комнате снова остались они вдвоём. Лориан тяжело вздохнул и потер лицо ладонями.

– Ну вот, – сказал он, и в его голосе звучала откровенная досада. – Теперь я ещё и нянька.

Морвина смотрела на него, и впервые за много дней в её душе шевельнулось нечто похожее на слабую, едва теплящуюся надежду. Она была обузой. Но обузой, которую решили взять с собой. Пусть из чувства странной чести, пусть Из-за приказа. Но её путь в Вольные долины теперь лежал не через побег, а через... сопровождение инквизиции. Ирония судьбы начинала приобретать поистине эпические масштабы.

– Прости, – тихо сказала она, и на этот раз в её голосе не было игры.

Он махнул рукой.

– Да ладно. Главное – ногу не дёргай. Сейчас принесу эту повозку или что они там найдут.

Лориан вернулся через некоторое время, неся в руках глиняную кружку с парящим травяным отваром (пахло ромашкой и чем-то горьковатым) и свёрток с тряпицами для бинта. Его лицо всё ещё хранило отпечаток смущения и досады, но в движениях появилась какая-то новая, неловкая решительность – он получил задачу и собирался её выполнить.

Дверь он открыл без стука и замер на пороге.

Морвина сидела на краю кровати, подогнув здоровую ногу. Она задрала подол своего простого платья чуть выше колена, обнажив изящную, но теперь безобразно распухшую и покрывшуюся сине- багровыми пятнами лодыжку. Её пальцы, тонкие и умелые, уже развязывали грубую, самодельную повязку, которую наложили утром. Она делала это сосредоточенно, слегка нахмурившись от боли, но без жеманства или стыда – как человек, выполняющий необходимую работу.

Лориан аж кашлянул от неожиданности, и кружка в его руке дёрнулась, расплескав горячий отвар.

– Эй! – вырвалось у него, и он резко отвернулся, уставившись в стену, будто там были написаны секретные инструкции по обращению с ранеными девушками. – Ты что делаешь? Лекарь сказал не трогать!

Морвина подняла на него взгляд. В её глазах читалась усталая практичность.

– Повязка уже развязалась, когда я пыталась встать. И наложили криво, давит. Мешает кровотоку, от этого только хуже. Нужно перевязать заново, туго, но правильно.

Она говорила спокойно, как опытная травница (чем, отчасти, и была), и это звучало настолько разумно, что возразить было нечего.

Лориан, всё ещё не глядя на неё, покраснел ещё больше. Он явно не был готов к такому уровню откровенности и компетентности.

– Я принёс отвар. И бинты. – Он сделал шаг вперёд, но всё ещё не решался повернуть голову.

– Спасибо. Поставь на табурет. И повернись, пожалуйста. Твоя помощь понадобится – нужно будет держать конец, пока я буду завязывать.

Её тон был настолько деловым и лишённым какого-либо намёка на смущение, что это, кажется, сбивало Лориана с толку ещё сильнее. Он механически поставил кружку и свёрток на табурет и застыл спиной к ней, напряжённый, как струна.

– Ну так как? – пробормотал он.

– Сначала дай мне промыть и прогреть. Подай кружку и тряпку.

Лориан, стиснув зубы, повиновался. Он подал ей кружку и кусок чистой, грубой ткани, глядя при этом куда-то в район дверной ручки. Морвина, не обращая внимания на его странное поведение, аккуратно промокла тряпицу в тёплом отваре и приложила к распухшему месту, с наслаждением чувствуя, как тепло проникает в больные ткани. Она слегка зашипела от удовольствия и боли одновременно.

Этот звук заставил Лориана украдкой, одним глазом, взглянуть на неё. Он увидел её сосредоточенное лицо, влажные от отвара пальцы, осторожные, уверенные движения. Это не было похоже на беспомощную панику вчерашнего дня. Это была работа. И в этой работе была какая-то сила. Не магическая, а очень земная, очень человеческая.

– Держи, – сказала Морвина, протягивая ему конец длинного бинта. – Натягивай, но не слишком сильно, когда я буду говорить.

Наконец он обернулся, хотя его взгляд всё ещё скользил где-то рядом с её ногой, не фокусируясь на ней. Его пальцы, привыкшие сжимать рукоять меча, неуклюже взяли за ткань. Морвина начала бинтовать – быстро, ловко, с точным знанием, куда ложится каждый виток, чтобы зафиксировать сустав, но не пережать сосуды.

Они работали молча. Его роль сводилась к тому, чтобы подавать и натягивать по команде. Её тихие указания («Сильнее здесь», «Теперь отпусти», «Дай мне конец») были единственными звуками в комнате. И в этом молчаливом сотрудничестве исчезла часть неловкости. Осталась просто задача, которую нужно решить.

Когда последний узел был завязан, Морвина потянула подол платья обратно, скрывая перебинтованную ногу.

– Готово. Спасибо.

Лориан отступил на шаг, наконец, подняв на неё глаза. В его взгляде было сложное чувство: остатки смущения, капля уважения к её умению и огромное облегчение от того, что этот странный, интимный процесс закончен.

– Ничего, – буркнул он. – Поездка будет через час. Староста запрягает. Командир сказал, доедем до Кривого Моста. Там уже твои дела.

Кривой Мост. Это было уже на территории Вольных долин, дальше крупных дорог.

– Хорошо, – кивнула Морвина. Она посмотрела на свои руки, ещё влажные от травяного отвара, потом на него. – А ты... спасибо, что не бросил. Вчера. И сегодня.

Лориан заерзал, явно не зная, как реагировать на благодарность.

– Да брось... – он махнул рукой и снова отвернулся, делая вид, что его невероятно интересует вид из крошечного окна. – Просто делаю, что приказано.

Но Морвина знала, что это не совсем так. Приказ был следить. А не давать ей свой плащ на полу, не соглашаться лечь на кровать и не помогать перевязывать ногу.

В его грубоватой опеке сквозь щели пробивалось что-то ещё. Что-то вроде странной, неосознанной ответственности. Или чести. И это было для неё сейчас ценнее любого зелья.

После того, как последний узел был затянут, а неловкость постепенно рассеялась в свете будничных действий, Морвина почувствовала, как на неё накатывает усталость. Не просто физическая – от боли и бессонной ночи, а какая-то глубокая, нервная истощённость. Весь этот театр с бегством, охотниками, болотными тварями и теперь вот вывихнутой ногой требовал передышки.

Не говоря ни слова Лориану, который всё ещё стоял у окна, делая вид, что изучает архитектуру курятника, она отодвинулась к изголовью и медленно, стараясь не потревожить перебинтованную ногу, легла на кровать. Не под одеяло, а просто на спину, уставившись в потолок, покрытый паутиной и тенями. Её руки опустились вдоль тела ладонями вверх – жест полной, временной капитуляции.

Воздух в комнате снова застыл, но теперь он был наполнен не напряжением, а усталым спокойствием. Даже Бублик, свернувшийся калачиком в ногах, лишь тихо вздохнул.

Лориан, услышав шорох, обернулся. Увидев её лежащей с закрытыми глазами, он нахмурился.

– Что, опять плохо?

– Нет, – ответила Морвина, не открывая глаз. Голос её звучал приглушённо, из глубины. – Просто думаю.

– О чём? – спросил он, и в его тоне прозвучало скорее привычное любопытство, чем подозрение.

– О том, как странно всё выходит. Вчера я боялась вас до дрожи. А сегодня ты мне ногу перевязывал. И ещё вчера... – она не договорила, но лёгкая улыбка тронула её губы.

Лориан откашлялся, и его уши снова приобрели розоватый оттенок.

– Это... не надо об этом. Случайность.

– Случайность, – повторила она, и в её голосе зазвучала лёгкая, почти неуловимая меланхолия. – А что, если бы не ты тогда, с той тварью? Или если бы твой командир решил меня бросить? Всё держится на случайностях, Лориан. И на людях, которые в нужный момент помогают.

Он промолчал, раздумывая над её словами. «Как положено» для охотника – было пройти мимо, или допросить, или, в лучшем случае, сдать местным властям и забыть. Не возиться с травницей, не ночевать с ней в одной комнате и уж точно не краснеть Из-за неё.

– Ты просто неудобство, – наконец выдавил он, но уже без прежней досады. Скорее как констатацию нового, непривычного факта. – Как камень в сапоге. Не враг, а так мешаешь.

– Знаю, – тихо согласилась Морвина. Она открыла глаза и посмотрела на него. – Прости. Он отвернулся, снова к окну, но теперь его поза была менее напряжённой.

– Да ладно. Отдохни лучше. Час ещё есть.

Он так и остался стоять там, глядя в окно, но уже не как страж, а скорее, как невольный компаньон, застрявший в одном затруднительном положении.

Морвина закрыла глаза и позволила мысли о ковене, об инквизиции, обо всех опасностях отодвинуться на второй план. Сейчас здесь, в этой душной комнате, с больной ногой и под неловкой охраной вспыльчивого охотника, она была в странной, но временной безопасности. И это было больше, чем она могла ожидать ещё вчера.

Она почти дремала, когда в дверь снова постучали.

Вошёл Торвин.

– Повозка готова. Выкупили ее. Тащи её, Лориан. Командир уже ждёт у выезда.

Лориан обернулся, его лицо снова приняло привычное выражение – смесь готовности к действию и лёгкого раздражения. Он подошёл к кровати.

– Ну, поехали, неудобство.

Морвина открыла глаза и встретилась с ним взглядом. В его глазах не было уже ни смущения, ни злости. Единственное, что осталось, – усталая решимость поставить в этом точку. Она кивнула и, обхватив его за шею, позволила ему снова поднять себя на руки.

Дорога до повозки оказалась недолгой, но в этот раз жгучего стыда она не ощущала. Её усадили на телегу, доверху набитую сеном, подсунув под спину свернутую дерюгу. Бублик шмыгнул следом. Лориан примостился рядом, на самом краю, болтая ногами. Каэлан и Торвин расположились напротив, спиной к лошадям.

Когда повозка тронулась, Морвина откинула голову на мягкое сено и смотрела на небо, медленно плывущее над верхушками деревьев.

Повозка, скрипя и подпрыгивая на ухабах, выкатила за околицу и, миновав первый поворот, взяла направление, которое никак не соответствовало карте в памяти Морвины. Она ожидала, что они свернут на юго-запад, в сторону холмов и Вольных долин. Вместо этого возница, получив от Каэлана короткую инструкцию, погнал лошадей на северо-восток.

Сначала Морвина подумала, что это просто объезд, чтобы избежать размытой дождями дороги. Но когда за поворотом не последовало возвращения на нужный путь, а знакомые ориентиры остались далеко позади, в груди у неё похолодело. Она оторвала взгляд от неба и уставилась на Каэлана, который сидел напротив, бесстрастный, как изваяние.

– А куда мы едем? – спросила она тихо, но в тишине, нарушаемой лишь стуком колёс и храпом лошадей, её голос прозвучал громко и чётко.

Лориан, сидевший рядом, лишь пожал плечами, выражая полное неведение. Торвин бросил на командира короткий взгляд, но промолчал. Ответил Каэлан. Он не стал смотреть на неё, его взгляд был устремлён куда-то вдаль, на дорогу.

– В Хельдран, – произнёс он ровным, лишённым эмоций тоном, как будто сообщал о погоде.

Морвина почувствовала, как у неё в животе всё сжалось в холодный, тяжёлый ком.

Хельдран.

Это был не просто ещё один город – перед ними высилась крепость. Опорный бастион Ордена Серебряного Когтя в этих землях. Сюда свозили пойманную нечисть, подозреваемых в колдовстве магов и участников еретиков – для допросов, суда и приговоров, изредка которым удавалось уйти. Вела к ней прямая, широкая дорога, тщательно охраняемая на каждом отрезке. Для многих эта дорога стала последней.

– Но, вы же говорили, до Кривого Моста, – выдавила она, и её голос дрогнул уже без всякой симуляции. Страх был настоящим, леденящим.

– Планы изменились, – коротко отрезал Каэлан, наконец повернув к ней голову. Его глаза были холодными и неумолимыми, как зимний лёд. – Получены новые сведения. В Хельдрани есть человек, который может быть заинтересован в твоих показаниях.

«Показания».

Это слово ударило в неё, как смертный приговор. Кратковременное ощущение относительной безопасности, которое она успела почувствовать, рухнуло в одно мгновение. Они не просто подвозили её. Они её конвоировали. Всё это время – приставания Лориана, «защита» от слизнегрызов, перевязка ноги – было лишь хитрой уловкой, чтобы усыпить её бдительность и не дать сбежать по пути. Или, что ещё страшнее, – проверкой. А она, глупая, почти поверила в их странную, изломанную порядочность.

Лориан сидел рядом, и на его лице читалось неподдельное изумление. Он явно не был в курсе. Он смотрел то на командира, то на Морвину, и его брови поползли вверх.

– Командир, но мы же...

– Приказ, Лориан, – Каэлан прервал его тем же ледяным тоном. – Вышестоящего руководства. Наша миссия по поиску ковена получила новый приоритет. Девушка может быть ключевым свидетелем. Её необходимо доставить для опроса специалистами.

Морвина прижалась спиной к дереву, чувствуя, как мир вокруг заваливается набок. Ковен. Конечно. Они так и не отпустили эту нить. Нашли кинжал Илги, поняли, что ковен рядом, и теперь решили выжать информацию из той самой «беглянки», которую сами же и «спасли». Или, что вероятнее, Каэлан с самого начала не поверил в её невинность. Его «тикающая» штуковница, его пронизательный взгляд – всё это время он вёл свою игру. А она, убавляющая его кажущейся снисходительностью и неловкостью Лориана, попала в ловушку.

– Я ничего не знаю о ковене, – прошептала она, и это была чистая правда, которую, конечно, никто не поверит. – Я просто травница.

– Это и выяснят специалисты в Хельдрани, – невозмутимо ответил Каэлан. – Если ты говоришь правду – тебе нечего бояться. Там тебе окажут медицинскую помощь, накормят, дадут кров. А потом отпустят с миром.

Ложь звучала в его устах так убедительно, так разумно, что от этого становилось ещё страшнее. Никто не уходил из Хельдрана «с миром». Оттуда либо не уходили вовсе, либо уходили с выжженной волей и страшными воспоминаниями.

Она посмотрела на Лориана. В его глазах мелькала борьба – между дисциплиной и тем странным, зародившимся чувством ответственности за «свою» травницу. Но дисциплина победила. Он опустил взгляд, сжал кулаки и упёрся глазами в дощатый пол повозки.

Повозка катилась дальше, увозя её прочь.

Повозка мерно покачивалась, выбивая из Морвины последние остатки иллюзий. Каждый стук колеса о камень отдавался в её висках, будто отсчитывая последние часы свободы. Она сидела, уткнувшись подбородком в колени, обхватив руками перебинтованную ногу, но боль от травмы теперь была лишь слабым фоном по сравнению с ледяным ужасом, сковывающим внутренности.

Она не осмеливалась говорить вслух. Любое слово могло быть истолковано как признание, как попытка колдовства. Но в её сознании отчаянно застучала мысль, обращённая к единственному существу, которое оставалось на её стороне.

«Бублик...»

В глубине сена, у неё за спиной, она почувствовала слабое шевеление.

«Слушаю, – мысленно отозвался фамилиар, и в его «голосе» не было обычной иронии, только напряжённая готовность. – Это ловушка».

«Это ад, – поправила Морвина. – Хельдран. Ты знаешь, что это значит».

«Знаю. Каменные стены, железные решётки, заклинания подавления. И люди, которые любят задавать вопросы. С огнём и серебром».

Тишина в их ментальной связи повисла тяжёлым грузом. Затем Морвина послала новую мысль, полную обречённой ясности:

«Нам будет плохо, Бублик. Очень плохо».

Она не кричала, не выла, не рвала на себе волосы. Она просто произнесла это ровным голосом, словно сообщила, что пошел дождь. Но именно в этой спокойной констатации таилась бездонная пропасть отчаяния. Она уже видела перед собой камеру- темницу, где одна только мысль о магии будет вызывать невыносимую, жгучую боль. Допросы, на которых её будут ломать, пока не вырвут имена всего ковена. А Бублик, его найдут. Фамилиар ведьмы. С ним церемониться не станут.

«Это да, – мысленно вздохнул Бублик. Его страх был острым и живым, он витал в воздухе между ними. – Особенно мне. Таких как я, там, наверное, сразу в костёр. Или на корм стражным псам. Не самый лучший конец для такого эстета, как я».

«Я не могу этого допустить, – мысленно выдохнула Морвина, сжимая пальцы так, что ногти впились в ладони. Она украдкой посмотрела на охотников. Каэлан, казалось, дремал, но она знала – это обман. Торвин смотрел вдалёк. Лориан...»

Лориан всё ещё не мог встретиться с ней взглядом, его челюсть была плотно сжата.

«Мы не можем туда попасть».

«Предлагаешь сбежать? – в мысленном голосе Бублика зазвучала слабая надежда. – Сейчас? С одной рабочей ногой? От трёх бодрствующих охотников, один из которых – ходячий детектор магии?»

«Нет, – мысленно покачала головой Морвина. Её ум, отточенный годами скрытности, лихорадочно работал, отбрасывая один безнадёжный вариант за другим. Прямой побег был самоубийством. Бунт в повозке – тоже».

«Не сбежать. Но, отсрочить. Или изменить маршрут. Им нужна я как свидетель. Живой и... более- менее вменяемый. Они не доведут овоц».

Она осторожно, будто невзначай, потеряла виски, притворяясь, что её укачало. Но внутри её сознание металась, как пойманная птица.

«Им нельзя узнать о тебе, Бублик. Ты должен исчезнуть. Сейчас. Пока мы ещё в лесу, пока есть шанс».

«И оставить тебя одну? – мысленный голос фамилиара прозвучал возмущённо и обиженно. – После всего? После крысиных нор и собачьих пробежек?»

«Чтобы выжить, иногда нужно прятаться по разным норам, – мысленно парировала Морвина, и её «голос» дрогнул. – Уйди, Бублик. Ищи ковен. Или просто исчезни в лесу. Если со

мною что-то случится... хоть один из нас должен выжить. Чтобы рассказать. Или просто чтобы помнить».

В сене за её спиной наступила тишина. Даже ментальная связь на мгновение оборвалась, будто перехваченная волной невыразимой грусти. Затем донеслось тихое, решительное:

«Нет».

«Бублик!»

«Я сказал нет. Я не крыса- предатель. Я твой фамилиар. Моя магия – часть тебя. И если нам будет плохо... – в его «голосе» вдруг зазвучала странная, почти хитрая нота, – то будет плохо нам вместе. И, возможно, не только нам. Запомни: они везут не просто травницу. Они везут ведьму, которая решила не колдовать. Но даже не колдующая ведьма – всё равно ведьма. А у ведьм... бывают срывы. Особенно когда их везут в каменный мешок».

Морвина замерла, уловив смысл его слов. Он не собирался бежать. Он предлагал остаться и сыграть ва- банк. Но играть было нечем. У неё не было сил, не было доступа к магии под бдительным взором Каэлана и его «тикающего» артефакта.

Повозка въехала в более густую часть леса. Ветви старых сосен сомкнулись над дорогой, создавая полумрак. И в этот момент Морвина почувствовала не через связь, а кожей – лёгкое, почти неосознаваемое движение в воздухе. Словно тысячи мельчайших лапок пробежали по её затылку. Она едва не вскрикнула.

«Что это?»

«Это я, – мысленно ответил Бублик, и в его «голосе» снова появилась знакомая, ехидная уверенность. – Пока не колдую. Просто напоминаю лесу, что мы здесь. Что в этой повозке едет кусочек болот, кусочек дикой магии. Лес слушает. Лес помнит. А у леса длинная память и острые шипы».

Морвина поняла.

Бублик не использовал магию в прямом смысле. Он, как истинный фамилиар, усиливал и направлял то, что уже было вокруг. Тревогу зверей в чаще. Недовольство старых деревьев, чьи корни тревожили колёса. Саму атмосферу места, которая становилась всё более враждебной к тем, кто вёз пленницу.

Полдня пути по лесной дороге, и солнце начало клониться к верхушкам сосен, отбрасывая длинные, косые тени. Повозка свернула с дороги на небольшую поляну у ручья – стандартное место для ночлега путников. «Стандартное», если не считать, что одни путники конвоируют другую.

Морвину не стали вытаскивать из повозки – видимо, решили, что с повреждённой ногой она и так никуда не убежит. Она устроилась на краю борта, свесив здоровую ногу и едва покачивая перевязанной, и молча наблюдала, как охотники работают с точностью отлаженного часового механизма. Торвин занялся лошадьми, Лорин принялся расчищать площадку для костра, а Каэлан, сбросив плащ, методично обследовал периметр поляны: его взгляд цепко выхватывал каждую надломленную ветку, каждый подозрительный след на земле.

Костер разгорелся быстро, защелкал, отбрасывая прыгающие тени на лица и стволы деревьев. Запах дыма и жаревой похлебки, которую начал готовить Торвин, в других обстоятельствах мог бы казаться уютным. Сейчас он лишь подчеркивал чужеродность этого места для Морвины.

Именно тогда, когда сумерки начали сгущаться, а Лориан углубился в спор с Торвином о том, сколько соли класть в котелок, к повозке подошел Каэлан. Он подошел бесшумно, его сапоги почти не шуршали по пожухлой траве. Он остановился в паре шагов от неё, его лицо в свете костра казалось вырезанным из темного камня, с резкими тенями в глазницах и на скулах.

Он не сразу заговорил, дав ей почувствовать тяжесть своего внимания. Морвина перестала качать ногой и подняла на него взгляд. Страх все еще сидел в ней холодным комом, но его

сменила какая-то отчаянная усталость. Игры в «простую травницу» были окончены. Хельдран был на карте, и они двигались к нему неумолимо.

Она первая нарушила молчание, и ее голос прозвучал тихо, но без прежней дрожи, почти ровно:

– Что мне ожидать?

Она спрашивала не о ночлеге в лесу. Она спрашивала о будущем. О каменных стенах, о вопросах, о том, что ждёт её в конце этой дороги.

Каэлан слегка склонил голову набок, изучая её. В его глазах не было ни злорадства, ни жалости, но на миг в глубине зрачков что-то мимолётно блеснуло – и это был не просто отблеск лунного света.

– Зависит от вас, ответил он так же спокойно. – Ожидать можно многого. Хорошую еду и чистую постель, если вы будете сотрудничать. Квалифицированную помощь лекаря для вашей ноги. Защиту.

– Защиту? – она не смогла сдержать горькой усмешки. – От кого? От вас же?

– От тех, кто ищет вас не с такими.. гуманными намерениями, – его взгляд стал пронзительнее. – «Черные Ласточки» не любят тех, кто теряется. Особенно тех, кто может навести на их гнездо... посторонних.

Он знал. Конечно, знал. Все это время он вел свою игру.

– Я им не нужна, – пробормотала Морвина, глядя на свои руки.

– Вы – улика, – поправил он. – Беглая участница, которая была рядом, когда мы нашли следы ковена. Вы – связующее звено. И это делает вас ценной. И для них, и для нас. Разница лишь в том, – он сделал небольшую паузу, – что мы предлагаем сделку. Информация в обмен на безопасность и новую жизнь. Дальше от болот, подальше от всех.

«Новая жизнь».

Те же слова, о которых она мечтала, но звучащие теперь как сделка с дьяволом. Выдать ковен. Предать своих (пусть и бывших, пусть и страшных). Купить свою свободу ценой чужих жизней.

– А если я ничего не знаю? – спросила она, глядя ему прямо в глаза, впервые за все время не опуская взгляд.

– Тогда, – Каэлан откинулся немного назад, скрестив руки на груди, – специалисты в Хельдрани помогут вам вспомнить. Их методы эффективны. Но они не отличаются особой бережностью. После них люди редко возвращаются к прежней жизни. Даже к жизни травницы.

Это была не угроза.

Морвина почувствовала, как по спине пробежали холодные мурашки. Она живо представила себе эти «методы». А потом – лицо матушки Илги, если та узнает, что Морвина выдала ковен инквизиции. От одной этой картины внутри что-то мстительно шевельнулось: мысль о том, как исказится это надменное лицо в ярости, даже слегка порадовала её – уголки губ дрогнули, едва не сложившись в улыбку. Смерть от рук охотников могла быть быстрой и милосердной. А вот то, что приготовили бы для предательницы «Ласточки», – об этом она боялась даже думать

– Вам нужно время подумать, – сказал Каэлан, словно прочитав ее мысли. – У вас есть его до Хельдрана. Используйте его с умом.

Морвина слушала его, кивая с отстранённым видом. Её взгляд скользил по его лицу, но мысли витали где-то далеко, в лабиринтах безнадёжных вариантов. А потом её внимание – настоящее, острое – привлекло движение на краю поляны, там, где тьма леса начинала поглощать последние лучи заката.

Что-то мелькнуло. Быстрое, низкое к земле, не птица. Небольшой силуэт, сливающийся с тенями. И – ещё раз. Чуть дальше.

Она невольно вздрогнула, и её кивки прекратились. Каэлан, уловив изменение в её позе, нахмурился.

– Что?

Она не сразу ответила, прищурившись, взглядываясь в чашу. Огонь костра слепил, делая лес за его кольцом света ещё более чёрным и непроницаемым.

– Каэлан... – тихо произнесла она, и в её голосе прозвучала неподдельная настороженность, не имеющая ничего общего с её страхом перед ним. Она подняла руку, указав пальцем. – Там. Что-то мелькает. Вот опять.

Охотник мгновенно развернулся, следуя направлению её взгляда. Его тело напряглось, рука опустилась на рукоять меча. Взгляд, секунду назад аналитический и холодный, стал острым, как клинок. Он не спрашивал «ты уверена?». Он доверял инстинктам – своим и, как ни странно, в данный момент – её.

– Где именно? – его голос стал тише, но обрёл металлический оттенок.

– Между той сосной с обломанной верхушкой и валуном, покрытым мхом, – быстро и чётко описала Морвина, её глаза не отрывались от точки. – Двигалось параллельно опушке. Маленькое. Быстрое.

«Маленькое и быстрое» в этом лесу могло быть чем угодно: от лесного духа-проказника до разведчика того же ковена. Или чем-то похуже.

– Лориан, Торвин, – Каэлан не повысил голос, но его команда, брошенная через плечо, прозвучала как щелчок затвора. – К оружию. Тихий периметр.

Спор о соли мгновенно забылся. Оба охотника вскинули головы, их руки уже тянулись к оружию. Торвин беззвучно встал, отойдя в тень от костра. Лориан вытащил короткий меч, его взгляд загорелся азартом, на смену смущению пришла сосредоточенность.

Каэлан не сводил глаз с леса.

– Сколько? – спросил он у Морвины, не глядя на неё.

– Видела пока одного. Но движение было неровным. Слишком быстрым для зверя, который просто бежит.

Она сама удивилась своей наблюдательности. Годы жизни на болотах, где каждое шевеление тростника могло означать опасность, давали о себе знать. Это был не просто страх – это было знание леса.

И словно в подтверждение её слов, в лесу раздался звук. Не крик, не рык. Тихий, скрежещущий шелест, будто что-то быстро и сильно царапало кору дерева. Звук переместился на десяток шагов влево.

– Не зверь, – буркнул Торвин из темноты. Его фигура почти слилась со стволом дерева.

– И не человек, – добавил Лориан, прищурившись. – Слишком низко к земле.

Каэлан медленно провёл рукой по амулету на груди. Морвина увидела, как его пальцы на мгновение замерли, будто прислушиваясь к чему-то. К тиканью? К вибрации? Его лицо оставалось невозмутимым, но в уголках глаз залегли напряжённые морщины.

– Девушка, – сказал он, не оборачиваясь. – В повозку. Ложись на дно и не высывайся.

Морвина не спорила. Она быстро, хоть и неловко Из-за ноги, сползла с борта и юркнула вглубь повозки, в сено, натянув на себя дерюгу. Бублик тут же прижался к ней, дрожа.

«*Это не Ласточки, – прошептал он мысленно. – Это что-то другое. Лес злится.*»

«*Злится на них или на нас?*» – мысленно отозвалась Морвина, затаив дыхание.

«*На всех, кто шумит и пахнет железом, – был ответ. – Я немного... подлил масла в огонь. Прости.*»

«*Что ты сделал?*» – спросила она, и в её мысленном голосе прозвучало напряжённое ожидание.

«*Да так... в образе кошки побегал, – неохотно признался Бублик. – Немного портал пытался открыть...*»

Морвина молчала, ожидающе и настороженно, не зная, ругать его или благодарить.

Значит, это были отголоски его попытки «напомнить лесу». Эффект оказался куда сильнее, чем они рассчитывали.

Снаружи воцарилась звенящая тишина, нарушаемая только треском костра. Три охотника стояли спиной к повозке, образуя живой щит, их силуэты чётко вырисовывались на фоне огня. Они ждали. Лес наблюдал.

И тогда из темноты, прямо на границе света, показались глаза. Не одна пара. Несколько. Крошечные, ярко-зелёные, горящие холодным, неживым светом. Они не мигали. Они просто висели в воздухе на высоте не более полуметра от земли, медленно перемещаясь из стороны в сторону.

– Гномьи огни? – неуверенно предположил Лориан, но тут же поправился. – Нет, слишком высоко и злые.

– Не гномьи, – прозвучал ледяной голос Каэлана. – Древовязки. Лесные пауки-призраки. Охотятся на всё, что нарушает покой их территории. Особенно на тех, кто пахнет магией... или страхом

Его последние слова были сказаны с таким знанием дела, что Морвину передёрнуло. Он смотрел не на огоньки, а куда-то в сторону, будто оценивая их маршрут. Или проверяя, не от неё ли исходит тот самый запах «магии», который привлёк этих тварей.

Древовязки не нападали сразу. Они выжидали, мерцая в темноте, их почти невидимые тела, сплетённые из тени, мха и хитина, сливались с лесом. Но их присутствие было ощутимо – воздух наполнился тихим, едва слышным стрекотом тысяч лапок и запахом старой паутины и гнилой древесины.

– Костёр их сдерживает, но ненадолго, – сказал Торвин. – Их может быть с десяток.

– Значит, отступаем к повозке, – приказал Каэлан. – Построим круг. Девушка, если у тебя есть какая-нибудь трава, что ярко горит и сильно дымит – сейчас самое время.

Морвина, зарывшись в сено, лихорадочно соображала. У неё не было магических ингредиентов. Но у неё была обычная травяная смесь для окуливания хлебов от паразитов – полынь, пижма, что-то ещё. Дым от неё был едким и горьким. Поможет ли это против лесных призраков? Не знала. Но это было лучше, чем ничего.

Она прошептала название трав Бублику, и тот, пользуясь сумраком и всеобщим вниманием к огонькам, юркнул в её корзинку. Через мгновение он протащил к ней небольшой холщёвый мешочек.

Внезапно тишину разорвал резкий, пронзительный свист. Один из зелёных огоньков рванулся вперёд, превратившись в смутный, стремительный силуэт, несущийся прямо на Лориана.

Свист разрезал воздух, и зелёный огонёк превратился в размытое пятно движения. Лориан, не растерявшись, не стал рубить – против такого противника удар мог пройти сквозь пустоту. Он резко отпрыгнул в сторону, одновременно взметнув вверх плащ, как щит. Что-то цепкое и невесомое впилося в грубую ткань с тихим шуршащим звуком.

– Их когти ядовиты! Не давайте дотронуться до кожи! – крикнул Каэлан, его меч уже был в руке. Он не бросился вперёд, а сделал шаг назад, к повозке, его глаза сканировали темноту, вычисляя количество.

Ещё два огонька сорвались с места. Один направился к Торвину, другой по дуге – прямо к повозке, к Морвине. Торвин встретил атаку молча и с убийственной эффективностью: его короткий топор описал быструю дугу, и раздался сухой, хрустящий шелчок, будто ломали пустую скорлупу. Зелёный огонёк погас, а невидимое тельце шлёпнулось на землю.

Но второй был уже рядом. Морвина, стиснув зубы, не стала прятаться глубже. Она рванула горсть едкой травы из мешочка и швырнула её прямо в костёр. Не успела смесь коснуться углей, как Бублик, притаившийся под сиденьем, мысленно прошептал что-то, не заклинание, а скорее резкое, повелительное напоминание самой природе огня – «Гори!».

Обычная трава вспыхнула с неестественно яркой, почти белой вспышкой и густым, удушающим, горьким дымом, который пошёл клубами не вверх, а будто бы сам потянулся к нападающему существу. Древоязка, уже собравшаяся запрыгнуть на борт, завизжала – тонко, пронзительно, как расстроенная струна. Зелёный огонёк её глаз померк, и тенеподобное тельце отпрянуло, скрываясь в дыму.

– Хорошо! – крикнул Лориан, отрывая от плаща когтистую тварь и с силой швыряя её в костёр. Та захлопотала в огне с отвратительным треском. – Ещё этой дряни!

Но атака захлебнулась так же быстро, как и началась. Оставшиеся зелёные огоньки отступили, растворившись в темноте леса. Стрекотание стихло. На поляне воцарилась тишина, нарушаемая только тяжёлым дыханием охотников и потрескиванием костра, в котором догорало что-то маленькое и жуткое.

Каэлан медленно опустил меч. Он не стал осматривать периметр, а сразу повернулся к повозке. Его взгляд упал сначала на дымящуюся кучку травы в костре, потом на Морвину, которая сидела, прижимая к груди опустевший мешочек, её лицо было бледным, но сосредоточенным.

– Что это было? – спросил он без предисловий. Его голос был ровным, но в нём висела тяжёлая гиря подозрения. Вспышка была слишком яркой, дым – слишком целенаправленным.

– Полынь, пижма, можжевельник, – быстро перечислила Морвина, глядя ему прямо в глаза. – Для окуривания. От вшей, гнид и... грызунов в хлевах. Дым едкий, многим тварям неприятен. – Она слегка пожалала плечами, делая вид, что сама удивлена эффектом. – Видимо, и этим древоязкам тоже.

Она солгала. Вернее, сказала правду, но не всю. Травы были обычными. Но вспышка это была крошечная, точечная магия Бублика, направленная не на саму траву, а на усиление её природных свойств. Рискованный шаг, но Каэлан был слишком занят отражением атаки, а его «тикающий» артефакт, возможно, списал всплеск на стресс от битвы и ярость элементарей огня.

Лориан подошёл, вытирая пот со лба.

– Чёрт, хорошо сработано, травница! – в его голосе звучало искреннее, хоть и удивлённое, одобрение. – Эта дымовая завеса... они её как огня испугались!

Торвин, выковыривая из обуви остатки хитина, лишь хмыкнул, но кивнул в её сторону – высший знак признания.

Каэлан же продолжал смотреть на неё. Его взгляд был тяжёлым, непроницаемым. Он видел, как она бросила траву. Видел вспышку. Он всё записывал в свою бездонную память.

– Удачное применение знаний, – наконец произнёс он нейтрально. – Но теперь мы их потревожили всерьёз. Этот рой может вернуться с подкреплением. Или привлечь что-то крупнее. Мы сворачиваем лагерь. Едем дальше. Ночью.

– Командир, но лошади... – начал Торвин.

– Будут двигаться, – отрезал Каэлан. – Здесь оставаться смерти подобно. Упакуйте всё. Быстро.

Он в последний раз бросил оценивающий взгляд на Морвину, словно взвешивая её ценность как «специалиста по травам» против рисков, которые она, возможно, притягивает. Затем развернулся, отдавая короткие приказы.

Морвина откинулась на сено, чувствуя, как дрожь наконец-то отпускает её тело. Они с Бубликом избежали разоблачения.

Чуть.

Но они также сделали дорогу до Хельдрана ещё опаснее. Теперь впереди была ночная езда по лесной дороге, где из каждой тени могли высмотреть зелёные огоньки. И сзади – капитан, чьё подозрение, кажется, только усилилось, несмотря на её «удачное применение знаний».

Бублик забрался к ней на колени, дрожа.

«Прости, – мысленно прошептал он. – Я думал, просто напугаю..».

«Ничего, – мысленно ответила Морвина, глядя его за ушком. – По крайней мере, теперь они знают, что я могу быть полезной. Даже если это лишь отсрочка. А отсрочка – это всё, что у нас есть».

Повозка, с грохотом и скрипом, тронулась в путь, оставляя позади потухающий костёр и беспокойную тьму леса. Они ехали в ночь, и каждый поворот мог стать последним.

Ночь, наступившая после столкновения с древовязками, была густой и тревожной. Повозка подпрыгивала на ухабах лесной дороги, которую возница, подгоняемый Каэланом, едва различал в слабом свете фонаря. Ветер, гулявший между стволами, приносил шепот листьев, слишком похожий на стрекот невидимых лапок. Каждый скрип оси, каждый крик ночной птицы заставлял Морвину вздрагивать.

Первое время она сидела, вцепившись в борт повозки, всеми силами борясь со сном, опасаясь снова стать обузой или, что хуже, увидеть во сне те самые зелёные огоньки. Но усталость брала своё – адреналин схлынул, боль в ноге превратилась в глухую, изматывающую ноющую, а тело, не отдохавшее как следует с той злополучной ночи в таверне, требовало передышки.

Она сидела рядом с Лорианом, который, как и приказано, отвечал за неё. Он уже не был напряжённым и смущённым. Теперь он был настороже, его глаза, привыкшие к ночным караулам, бдительно скользили по краям дороги. Но даже его плечи под плащом временами обмякали от усталости.

Незаметно для себя Морвина начала клониться. Сначала её голова лишь слегка покачивалась в такт качке повозки. Потом она на миг полностью отключилась, и её лоб мягко стукнулся о его плечо в районе кольчуги. Она вздрогнула и выпрямилась, пробормотав извинение.

– Спи, – буркнул Лориан, не глядя на неё. – Всё равно ты сейчас ни на что не годна, кроме как пугать пауков своей дрянью. Выспишься – может, ещё чем полезным будешь.

Морвина кивнула, слишком уставшая, чтобы спорить. В следующий раз, когда её веки сомкнулись, она уже не сопротивлялась. Её голова снова склонилась, на этот раз нашла точку опоры на его плече – не на жёсткой кольчуге, а чуть ниже, где под плащом была только рубаха. И осталась там.

Лориан на секунду замер, его тело на мгновение снова стало деревянным. Но он не отодвинулся. Лишь тихо выдохнул, и напряжение из его плеч понемногу ушло. Он даже чуть скорректировал позу, чтобы ей было удобнее.

Морвина провалилась в сон – неглубокий, прерывистый, наполненный обрывками тревожных образов. Но было в нём и ощущение странной защищённости. Твёрдое плечо под щекой, ритмичное движение повозки, даже бряцание оружия у пояса Лориана – всё это создавало некий барьер между ней и враждебной тьмой леса. Она учуяла запах – кожи, пота, дыма костра и чего-то простого, мужского. Это не был запах опасности. Это был запах присутствия.

Один раз она ненадолго проснулась, когда повозка сильно накренилась. Её рука, ища опоры, непроизвольно ухватила за складку его плаща. Лориан в ответ лишь хмыкнул, но его рука, лежавшая на колене, чуть сдвинулась, будто готовая в любой момент её поддержать.

Так они и ехали. Она – спящая, доверчиво прижавшись к своему невольному охраннику. Он – бодрствующий страж, позволяющий ей эту маленькую слабость, этот крошечный островок покоя в море опасностей. Каэлан, сидевший напротив, наблюдал за этой картиной своим всевидящим взглядом. Его лицо в свете фонаря оставалось каменным, но в глубине глаз, возможно, промелькнула тень чего-то – не одобрения, но расчёта. Связь формируется. Зависимость растёт. Ценный актив становится более управляемым.

Торвин, правивший лошадьми, лишь изредка бросал короткие взгляды назад и снова уставлялся в ночную дорогу, его мысли оставались нечитаемы.

Бублик, устроившийся у неё на коленях, чувствовал её глубокий, наконец- то по-настоящему восстановительный сон. Он не тревожил её мыслями. Просто грелся в её тепле и в лучике

странного, непредвиденного спокойствия, которое подарило это неловкое, вынужденное путешествие.

Когда первые признаки рассвета начали размывать черноту неба на востоке, Морвина проснулась сама. Она обнаружила, что её щека всё ещё прижата к плечу Лориана, а его голова слегка склонилась набок, и он тоже, кажется, задремал, но его сон был чутким – при её движении он мгновенно открыл глаза, напрягшись.

Она медленно отодвинулась, чувствуя лёгкую скованность в шее и прилив смущения.

– Прости, – прошептала она.

– Ничего, – он откашлялся, выпрямился и потянулся, костяшки его пальцев хрустнули. –

Выспалась?

– Да, – кивнула Морвина. И это была правда. Недолгий, но крепкий сон вернул ей ясность мысли.

Она посмотрела на просыпающийся лес, на розовеющую полосу зари. Хельдран был ближе. Опасности – тоже. Но теперь она чувствовала себя не беспомощной ношей, а человеком, который хоть немного отдохнул и готов снова бороться. И, как ни странно, часть этой готовности исходила от простого человеческого тепла, которое она неожиданно получила от того, кто должен был быть её врагом.

Рассвет застал их у въезда в другую деревню. Название её, если оно и было, стёрлось с покосившегося указателя. Деревня выглядела ещё более унылой и притихшей, чем предыдущая. Дым из труб поднимался жидкий и робкий, будто боясь привлечь внимание. И когда повозка с тремя охотниками в плащах Серебряного Когтя и перебинтованной девушкой на борту въехала на единственную улицу, тишина взорвалась не радостным гулом, а тревожным шёпотом, который мгновенно перерос в движение.

Из домов начали выходить люди. Не все, но самые отчаянные или самые напуганные: бородатый староста с лицом, испещрённым морщинами забот; пара женщин с лицами, опухшими от слёз; несколько мужчин с вилами и дубинами в руках, но без воинственного вида – лишь с тупой, животной тревогой в глазах.

Они не смотрели на Морвину. Их взгляды, полные страха и внезапной надежды, были прикованы к Каэлану, к серебряным когтям на их плащах. Староста, шагнув вперёд, почти упал на колени, но остановился, сжимая и разжимая кулаки.

– Господа охотники, милости просим... – его голос дрожал. – Мы... у нас беда. Страшная беда.

Каэлан, не слезая с повозки, поднял руку, жестом требуя тишины. Его взгляд скользнул по собравшейся толпе, оценивая.

– Говорите.

– Дети, – выдохнула одна из женщин, и её голос сорвался в истерический шёпот. – Наши дети пропадают. Уже трое за неделю. Уводят в лес... или они сами уходят, но не возвращаются. Ни крика, ни следов.

– А позавчера... – вступил староста, перебивая её. – Видели. В тумане у болотной опушки. Женщину. В рваном чёрном, лицо не разобрать, но глаза... глаза горели, как угли. Шла, и туман за ней клубился, будто живой. И пела. Страшную такую, ледяную песню.

В толпе пронёсся испуганный гул. Слово повисло в воздухе, тяжёлое и ядовитое:

– Ведьма. У нас ведьма завелась.

Морвина, сидевшая в повозке, почувствовала, как у неё похолодело внутри. Не от страха перед мифической похитительницей детей, а от того, как все взгляды теперь невольно метнулись к ней – единственной посторонней женщине в компании охотников. Лориан и Торвин тоже насторожились, их руки непроизвольно легли на оружие, но не потому что подозревали её, а потому что почуяли работу.

Каэлан оставался спокоен.

– Обычные следы были? Кровь? Вещи?

– Ничего! – почти закричал староста. – Как сквозь землю! Только на краю огорода у пропавшей девочки нашли куклу. Тряпичную. А в ней сухие травы да кости птичьих зашиты. И пахло сладко и гнило. Мёртвой земляникой.

Ледяная песня. Кукла с костями. Пропажа детей. Это был классический набор народных страшилок о лесной ведьме- похитительнице. Но в глазах этих людей страх был слишком реальным, слишком свежим от потерь.

Каэлан обменялся короткими взглядами с Торвином и Лорианом. Это было не в их первоначальных планах. У них был приказ везти девушку в Хельдран. Но и бросить деревню на произвол судьбы, зная, что тут может орудовать настоящая тварь (или ловкая мошенница), – значило подставить под удар репутацию Ордена и, возможно, обречь на смерть ещё детей.

– Покажите место, где нашли куклу, – приказал Каэлан, спрыгивая на землю. – И где видели эту «женщину». Мы посмотрим.

На лицах людей появилось слабое, дрожащее подобие надежды. Каэлан же повернулся к повозке. Его взгляд упал на Морвину. В нём читался быстрый расчёт.

– Ты, – сказал он. – Травница. Ты разбираешься в растениях. Этот запах «мёртвой земляники» – что это может быть?

Он вовлек её. Не как подозреваемую, а как эксперта. Это был умный ход: проверить её знания, дать ей почувствовать себя полезной частью команды и отвлечь деревенских от мыслей, что ведьма могла приехать к ним в повозке.

Все взгляды снова устремились на неё.

Морвина заставила себя собраться. Её собственные ведьмовские знания, от которых она бежала, теперь могли стать её спасением... или ловушкой.

Земляника пахнет сладко, только когда свежая, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. – Мёртвая, сухая – запах слабый, травянистый. Сладко-гнилостный запах дают некоторые грибы. Или определённые смеси, используемые в... – она чуть запнулась, – в некоторых обрядах. Чтобы привлечь, или наоборот, отпугнуть. Мне нужно понюхать ту куклу.

Каэлан кивнул, удовлетворённо или просто принимая к сведению.

– Хорошо. Лориан, остаёшься с ней. Отвезешь её к тому месту, когда мы его обследуем. И не спускай с неё глаз. – Последнее было сказано с особым ударением.

Лориан мрачно кивнул, но в его глазах вспыхнул азарт охотника, почуявшего дичь. Ведьма в лесу – это куда интереснее, чем молчаливая конвоируемая девушка.

Морвина сидела в повозке, глядя, как Каэлан и Торвин уходят с толпой деревенских к окраине.

Её сердце колотилось.

Ведьма.

Настоящая, судя по описанию. Или очень талантливая чудовищная самозванка. И теперь она, ведьма- беглянка, должна была помочь охотникам выследить сородича по ремеслу. Ирония достигала таких высот, что начинала казаться бредом.

Бублик, спрятавшийся в складках её платья, мысленно прошептал:

«Что, повеселились? Теперь мы будем охотиться на одну из наших?»

«Не нашу, – мысленно парировала Морвина, глядя на удаляющиеся спины охотников и на напряжённое лицо Лориана. – На ту, что крадёт детей. И это меняет всё».

«И давно ты стала такой правильной?» – пробурчал фамильяр.

Лориан помог Морвине слезть с повозки, и они, в сопровождении одного из деревенских мужчин – тощего, с бегающими глазами парня по имени Гирт – двинулись к краю деревни. Гирт шёл быстро и нервно, постоянно оглядываясь, будто ожидая, что Из-за каждого куста вынырнут те самые горящие угли.

Он привёл их к задворкам крайней избы, к жалкому огороду, где чахлая капуста соседствовала с крапивой. И замер, тыча дрожащим пальцем вперёд, за плетень.

– Вон там у старой вербы. Куклу нашли. И... и тропинка в лес оттуда. Я... я не пойду туда.

Сказав это, он перекрестился, резко развернулся и почти бегом бросился назад к домам, оставив их вдвоём на краю цивилизации.

Лориан фыркнул.

– Храбрости хватило только до плетня. Ну что, травница, поползём?

Морвина, опираясь на палку, которую ей наспех смастерил Торвин, кивнула. Она перелезла через низкий плетень (Лориан, кряхтя, помог ей) и направилась к одинокой, скрюченной вербе.

И тут её охватило странное чувство. Воздух стал тяжелее, влажнее. Под ногами, где должна быть сухая, утоптанная земля, почва стала мягкой, податливой, чавкающей. Она посмотрела вокруг. Трава здесь была не пожухлой и жёлтой, а неестественно сочной, тёмно-зелёной, почти сизой. А между стеблями виднелись пятна влажного, чёрного мха и блестели крошечные лужицы.

– Странно, – пробормотал Лориан, нахмурившись. – Земля тут... как на болоте. Но до настоящих болот отсюда километра три.

Морвина не ответила.

Она чувствовала это сильнее. Это была не просто вода. Это была наведенная сырость. Магия, искажающая местность, подтягивающая влагу из глубин и из воздуха, создающая карман чуждой экосистемы.

И запах... да, тот самый сладковато-гнилостный запах мёртвой земляники висел здесь, едва уловимый, но стойкий. Он исходил не от какой-то конкретной точки, а словно пропитывал сам воздух.

Она дошла до вербы. Ствол дерева был покрыт не обычным лишайником, а каким-то бархатистым, тёмно-фиолетовым налётом. У его корней, на небольшом клочке посреди влажного пятка, валялась тряпичная кукла. Грубо сшитая, с угольными глазами и высохшим стеблем вместо носа.

Морвина, не прикасаясь к ней, присела на корточки (скрипнув зубами от боли в ноге) и принялась. Да, это был тот запах. Но теперь она могла различить в нём и другие ноты: болотный мирт, гниющую кору ольхи и что-то ещё. Что-то металлическое, медное. Как старая кровь.

Морвина всматривалась в куклу, пытаясь разгадать секрет её отравленного аромата. Вдруг её отвлекло движение на периферии зрения. Одна из маленьких, чёрных луж у подножия вербы не просто блестела. Она заволновалась. Поверхность покрылась рябью, затем пузырьками, будто под ней что-то закипало.

– Лориан... – начала она, но не успела закончить.

Чавкающая земля под её ногами внезапно ожила. Не просто просела, а будто вырвалась из-под контроля чьей-то воли. Пятно влажного грунта вокруг кочки вздыбилось, и из него вырвался фонтанчик ледяной, зловонной жижи. Земля закачалась, как болотная зыбь.

Морвина, стоявшая на одной ноге и опираясь на палку, потеряла равновесие. Она вскрикнула, её здоровая нога поскользнулась на внезапно ставшем скользким мху, а больная, не выдержав рывка, подкосилась. Она упала назад, тяжело, плашмя, в грязь и сочную, ядовитую зелень. Удар вышиб из неё воздух, палка вылетела из рук. Перед глазами поплыли тёмные пятна, а в ушах зазвенело.

– Чёрт! – услышала она голос Лориана, но он звучал как будто Из-за толстого стекла.

Из жижи у вербы поднялось нечто. Не монстр, а словно сама грязь обрела форму – несколько скользких, извивающихся щупалец из ила, воды и перегноя, увенчанных острыми

осколками проглоченных когда-то камней и костей. Они потянулись к упавшей девушке, двигаясь с противной, текучей медлительностью.

Лориан не растерялся.

Он выстрелил из арбалета почти в упор в основание самого крупного щупальца. Болт с глухим чавкающим звуком вошёл в грязь, но не остановил движение. Тогда он бросил арбалет, выхватил меч и рубанул по ближайшему отростку. Лезвие со звоном ударилось о камень внутри, высекло искры, и щупальце расплзлось, разбрызгивая вонючую жижу, но тут же начало собираться снова.

– Морвина! Вставай! Ползи! – кричал он, отступая под натиском ещё двух щупалец, которые потянулись к нему.

Морвина, откашлявшись, попыталась встать, но грязь засасывала её, словно живая. Её одежда стала тяжёлой и липкой. Она увидела, как из-под вербы, прямо из корней, медленно вытекает густая, чёрная субстанция, похожая на дёготь, и тянется к ней тонкой, неумолимой струйкой. От неё исходил тот самый концентрированный запах мёртвой земляники и меди.

Это была ловушка. Не просто маркер. Кукла была приманкой, а само место – активным капканом, защищавшим подходы к тропе ведьмы.

«Бублик!» – отчаянно мысленно позвала она.

«Держись!» – мысленный голос фамилиара прозвучал собранно. Она почувствовала, как из-под её ворота платья выскочила крыса и бросилась не от неё, а к той чёрной струйке. Бублик подбежал к самому краю потока, встал на задние лапки и чихнул.

Маленький, жалобный чих.

Но в тот же миг воздух вокруг него содрогнулся от крошечной, точечной вспышки чистого, почти невидимого огня – не тепла, а идеи жара, антитезы сырости. Чёрная струйка на мгновение остановилась, зашипела и отпрянула, будто обожжённая.

Это дало Морвине секундную передышку. Она изо всех сил оттолкнулась руками от трясины и отползла на полметра, к своей палке. Лориан, тем временем, поняв, что рубить бесполезно, сменил тактику. Он схватил с земли сухую ветку, сунул её в складки плаща, вытащил огниво и с нескольких попыток высек искру. Пламя охватило ветку. Он швырнул её в основание щупалец, туда, откуда они росли.

Огонь встретился с сыростью неохотно, с шипением, но сухая кора загорелась, и жар на секунду заставил грязевые отростки отступить.

– Твою траву! Ту, что от пауков! – закричал он Морвине.

Та, уже ухватившись за палку и поднявшись на колени, лихорадочно полезла в карман. Мешочек с горькой смесью был ещё полон. Она выдернула завязку и, не целясь, швырнула его прямо в центр бурлящей жижи у вербы.

Лориан тут же метнул туда очередную горящую ветку.

Пламя с сухой ветки коснулось мешочка с горькой смесью. На мгновение Морвина надеялась увидеть знакомую яркую вспышку и отступление твари. Но произошло нечто иное.

Жижа у вербы, вместо того чтобы отпрянуть, взревела. Не звуком, а вибрацией, которая прошла сквозь землю и отозвалась в костях. Огонь не погас, но и не разгорелся. Он стал странным, зелёным и холодным, и под его светом мешочек не сгорел, а будто растворился, выпустив облако едкого дыма прямо в гущу чёрной, дёгтеобразной струйки, текущей из-под корней.

И эта струйка в ответ вздыбилась. Она не отступила, а, словно разъярённая, рванулась вперёд с невероятной скоростью. Не к Бублику, не к Лориану. Прямо к Морвине.

– Нет! – успел крикнуть Лориан, пытаясь схватить её, но было поздно.

Липкая, ледяная чёрная масса обволокла её ноги, талию, руки. Она не была тяжёлой, но невероятно цепкой и живой. Морвина вскрикнула, пытаясь вырваться, но субстанция затягивала её, как трясина, только в десятки раз быстрее. Она увидела, как Лориан бросается к ней,

его лицо искажено ужасом, но его ноги уже вязнут во внезапно размягчившейся земле вокруг. Он не мог подбежать.

«*Бублик!*» – последняя отчаянная мысль пронеслась в её голове.

«*Держись, я..*». – мысленный ответ оборвался, когда чёрная жижа накрыла Морвину с головой.

Не было удушья. Не было темноты в привычном смысле. Было ощущение стремительного, головокружительного скольжения вниз по ледяному, извилистому туннелю, выложенному корнями и влажной глиной. Звуки – крик Лориана, шипение огня – исчезли, сменившись гулким бульканьем и шёпотом воды. Её протащило сквозь слой почвы, сквозь холодную подземную воду, и выплюнуло в другое место.

Она упала на что-то мягкое и упругое. Не землю, а переплетение живых, влажных корней и мха. Воздух был густым, влажным и пахнул тем же сладковатым гниением, но ещё и плесенью, и цветами, и жизнью. Гнилой, но яркой.

Морвина откашлялась, выплёвывая грязь, и попыталась подняться. Она была вся в липкой чёрной жиже, но та уже стекала с неё, впитываясь в пол из мха. Она оказалась в пещере. Но не каменной. Это было пространство среди гигантских, переплетённых корней древнего дерева, образующих свод и стены. Свет исходил от странных грибов, растущих повсюду – их шляпки светились тусклым, зеленовато-жёлтым светом, отбрасывая двигающиеся тени. Повсюду висели связки сушёных трав, костей, перьев. На импровизированном столе из пня стояли глиняные чаши, кристаллы и странные инструменты.

И перед ней, в центре этого корневого логова, стояла она.

Женщина. Высокая, худая, почти истощённая. Её когда-то тёмные волосы были спутаны и перевиты живыми побегами плюща и папоротника. Лицо – бледное, с острыми скулами и огромными, невероятно зелёными глазами, в которых светился тот же странный свет, что и у грибов. Она была одета в лохмотья когда-то чёрного платья, сшитого, кажется, из мха и коры. Она смотрела на Морвину не с яростью, а с крайним, леденящим удивлением.

Губы женщины приоткрылись, и она произнесла хриплым, но чистым голосом, в котором звучали отголоски того ледяного напева:

– Морвина?

Морвина замерла. Её собственное имя, произнесённое здесь, в этом логове лесной отщепенки, прозвучало как удар.

– Откуда ты знаешь?

Женщина медленно, будто с трудом вспоминая, что нужно двигаться, сделала шаг вперёд. Её глаза сузились, изучая Морвину с ног до головы, останавливаясь на лице.

– Тебя ковен ищет. «Чёрные Ласточки». Они шепчут твоё имя в болотах. Им нужна беглянка. – Она склонила голову набок, как птица. – з Я слышала. Корни слышат многое. Им нужна ты. А ты... что ты делаешь с охотниками Серебряного Когтя?

В её голосе не было угрозы. Было недоумение, смешанное с острым, живым интересом. Эта женщина, эта лесная ведьма- похитительница, знала её. И знала о ковене.

– А ты почему детей ворует?

Слова Морвины, резкие и полные непрощенного осуждения, повисли во влажном воздухе пещеры. Она поднялась на ноги, игнорируя боль в лодыжке, её собственный страх на мгновение отступил перед волной отвращения.

Ведьма замерла. Её зелёные, светящиеся глаза расширились от чего-то, что было не гневом, а скорее оскорблённым изумлением. Губы её дрогнули, обнажив слишком белые, острые зубы.

– Не тебе меня осуждать, – прошипела она, и её голос из мелодичного стал похож на скрежет веток. – Ты, что бегаешь с теми, кто сжигает наших? Ты, что прячешься за их серебро?

Она не стала ничего объяснять. Не стала оправдываться. Её рука, тонкая и жилистая, резко взметнулась вверх, будто схватывая что-то из воздуха. Пальцы сцепились в странный, угловатый жест, не похожий на привычные Морвине ковенские знаки. Это было что-то другое.

Воздух в корневой пещере сгустился и завихрился. Светящиеся грибы погасли на мгновение, а затем вспыхнули ослепительно ярко. Морвина почувствовала, как всё её тело сдавило невидимой, влажной и невероятно сильной лапой. Это не была атака огнём или льдом. Это было само давление леса, сконцентрированное и направленное на неё.

– Подожди! – попыталась крикнуть Морвина, но звук застрял в горле.

Ведьма не слушала. Её лицо выражало лишь холодное презрение и разочарование. Она сжала кулак и сделала резкий, выталкивающий жест от себя.

И Морвину вышвырнуло.

Не через туннель, не через жижу. Воздух вокруг неё словно сжался в плотный кокон из корней и почвы и рванул назад, в стену пещеры. Но стена не была преградой. Гниющая древесина и влажная земля расступились, как завеса. Ещё секунда головокружительного, тёмного полёта сквозь сырую тьму – и её выплюнуло обратно на свет.

Она вылетела из-под земли прямо на том же месте у вербы, как пробка из бутылки. Пролетев по воздуху пару метров, она тяжело приземлилась прямо на Лориана, который, обездвиженный жижей по колено, как раз пытался высвободиться.

Они рухнули в грязь вместе с громким «Уфф!» и хрустом веток. Лориан принял на себя основной удар, защитив её от жёсткого падения.

На секунду воцарилась тишина. Грязевая ловушка перестала бурлить. Щупальца исчезли. Болотное пятно выглядело теперь просто как обычная, развороченная и закопчённая грязь. Было тихо.

Лориан, лежа под ней, первым пришёл в себя.

– Ты... жива? – выдавил он, задыхаясь от её веса и удара.

– Кажется... да, – пробормотала Морвина, откатываясь в сторону и с трудом поднимаясь на локти. Она была цела. Даже нога, казалось, не пострадала дополнительно. Но в памяти горели зелёные глаза лесной ведьмы и её слова: «Ты, что бегаешь с теми, кто сжигает наших?»

Она посмотрела на Лориана. Он сидел, отряхиваясь от грязи, его лицо выражало полнейшее недоумение.

– Что, чёрт возьми, было? Ты просто исчезла в этой жиже. А потом вылетела оттуда, как пушечное ядро! Где ты была?

Морвина откашляла комок земли. У неё не было хорошего ответа. Она не могла сказать: «В логове ведьмы, которая знает меня в лицо». Но и врать совсем уж беспардонно тоже было нельзя.

– Это был портал. Ловушка-телепорт, – сказала она, выбирая слова максимально близко к правде, но без деталей. – Она вела в какое-то подземное убежище. Я увидела следы. Но хозяйка там была. Она не стала разговаривать. Просто вышвырнула меня обратно.

Лориан встал, всё ещё ошеломлённый. Он посмотрел на безжизненное теперь пятно, потом на неё.

– Хозяйка? Та самая ведьма?

– Думаю, да, – кивнула Морвина. Она встала, опираясь на палку, которая, к счастью, валялась рядом. – Она сильная.

– И детей она крадёт? – спросил Лориан, его лицо снова стало серьёзным и сосредоточенным.

Морвина заколебалась. Она не видела детей в том логове. Не видела никаких свидетельств. Только травы, кости животных, странные инструменты и ту самую, полную презрения и разочарования ведьму, которая назвала её по имени.

– Не знаю, – честно ответила она. – Я не видела детей.

Она попыталась окончательно подняться, но её нога, ослабленная пережитым, подкосилась. Она снова грузно опустилась, на этот раз прямо к Лориану, который всё ещё сидел на земле. Она приземлилась ему на бедро, её мокрое, грязное платье задралось, обнажив перебинтованную лодыжку и испачканную в грязи кожу выше.

– Чёрт, – выругалась она больше от досады, чем от боли.

Лориан инстинктивно подхватил её, чтобы она не упала набок, его руки обхватили её талию. Он попробовал приподнять её, помогая встать, но замер в полусогнутом положении, его лицо оказалось совсем рядом с её лицом. В его глазах, секунду назад полных боевой сосредоточенности, промелькнуло что-то другое – мгновенная, непроизвольная проверка на повреждения, смешанная с внезапным осознанием их близости и её уязвимости.

– Ты не пострадала? – спросил он, и его голос звучал тише, грубее обычного, без привычной дерзости. Его взгляд скользнул по её лицу, ища ссадин, затем мельком упал на её обнажённую ногу, но тут же вернулся к глазам.

Морвина, всё ещё переполненная адреналином от встречи с лесной ведьмой и стремительного «возвращения», на секунду потеряла дар речи. Его руки на её талии чувствовались чётко, даже сквозь слои мокрой ткани. Тепло от его ладоней контрастировало с ледяным холодом грязи. Она увидела капли воды на его ресницах, царапину на щеке от ветки и то самое неловкое, лишённое насмешки беспокойство в его взгляде.

– Вроде нет, – наконец выдохнула она, слегка покачивая головой. – Только грязи прибавилось. И испуга.

Он кивнул, всё ещё не отпуская её. Казалось, он тоже не вполне понимал, что делать дальше – просто держать, отпустить или продолжить попытки поднять.

– Это ладно, – пробормотал он, и его уши, как она заметила, снова начали розоветь, несмотря на холод и грязь. – Главное, что цела. Ведьмы они такие. Могут и не убить, но напугают так, что мало не покажется.

Он наконец нашёл в себе силы закончить движение и аккуратно поднял её, поставив на ноги, но продолжая придерживать за локоть, пока она не нашла устойчивое положение с палкой.

– Спасибо, – сказала Морвина, поправляя сползшее платье. Её щёки тоже горели, и теперь не только от холода. Вся эта ситуация – падение, близость, его замершая на лице тревога – добавила новый, смущающий слой к уже и без того невероятно сложным отношениям.

Лориан отступил на шаг, резко выпрямившись и снова приняв вид сурового охотника, но это выглядело немного наигранно.

– Значит, так. Ведьма где-то здесь, в лесу. В подземном логове. Она знает о нас. И, возможно, знает, где дети. Нам нужно найти Каэлана и Торвина. Быстро.

– Да, – согласилась Морвина, цепляясь за логику задачи, чтобы отогнать странное ощущение в животе.

Она сделала осторожный шаг, пытаясь опереться на больную ногу. Но её тело, измотанное стрессом, холодом и недавним магическим «путешествием», подвело. Мышцы дрогнули, и она почувствовала, как теряет равновесие. В панике она инстинктивно выбросила руку в сторону, ища опору, и её пальцы наткнулись на палку – ту самую, грубо обструганную Торвином, которую она выронила при падении в жижу. Она ухватила за неё, но палка лежала на скользком мху и не дала надёжной точки опоры. Она лишь заскользила в сторону, окончательно сбив Морвину с толку, и та с негромким вскриком осела прямо на Лориана, который стоял рядом.

На этот раз падение было менее драматичным, но оттого, возможно, ещё более неловким. Она приземлилась ему почти на колени, её спина прижалась к его груди, а голова откинулась ему на плечо.

– Ой! – вырвалось у неё, больше от смущения, чем от неожиданности.

Лориан снова автоматически поймал её, его руки сомкнулись на её плечах, чтобы стабилизировать. Он издал короткое, сдавленное «Уф!», приняв её вес.

– Да что ж ты, как пьяная! – вырвалось у него, но в голосе не было злости, лишь нарастающее отчаяние от абсурдности ситуации. – Опять за свою палку не уцепилась? Совсем не держит?

– Держит, – пробормотала Морвина, пытаясь отодвинуться и чувствуя, как горит лицо. – Просто палка скользкая и всё затекло.

Она снова попыталась оттолкнуться, но её руки дрожали, а палка валялась теперь в стороне. Лориан, видя её беспомощность, вздохнул – долгим, усталым выдохом человека, который смирился с неизбежным.

– Ладно, хватит. Так мы никуда не дойдём, – сказал он и, не спрашивая больше разрешения, переместил руки. Одну просунул под её колени, другую – под спину. – Держись за шею.

И прежде чем она успела возмутиться или что-то сказать, он уже поднял её на руки. На этот раз не как мешок, а более аккуратно, прижимая к себе, чтобы ей было устойчивее. Морвина инстинктивно обвила его шею руками, чувствуя, как под её ладонями напрягаются мышцы его плеч.

– Лориан, я...

– Молчи, – отрезал он, уже делая первые шаги по направлению к деревне, его сапоги уверенно шлёпали по грязи. – Мы теряем время. Каэлан, наверное, уже волосы на себе рвёт. А если эта твоя лесная подружка решит вернуться с подкреплением, нам будет не до прогулок.

Он нёс её, и это было совсем не так, как тогда, из леса после встречи со слизнегрязами. Тогда он был смущён и раздражён. Сейчас сосредоточен. Но в этой практичности не было прежней грубости. Была какая-то новая, обременительная ответственность.

Морвина прижалась к его кольчуге, слушая мерный стук его сердца и его тяжёлое, ровное дыхание. От него пахло дымом, лесом, потом и чем-то металлическим – оружием и дождём. Это был запах опасности, но сейчас он казался ей самым безопасным запахом на свете. Она украдкой взглянула на его профиль. Его челюсть была напряжена, взгляд устремлён вперёд, но в уголке глаза, рядом с той самой царапиной, читалась усталость.

«Бублик, – мысленно позвала она. – Ты где?»

«Следую за вами по веткам, – тут же отозвался фамилиар. – Не волнуйся, я не отстану. А твой персональный извозчик... он, кажется, начинает привыкать к своей новой роли. И к палкам, которые всегда не вовремя уезжают».

Лориан, не сбавляя шага, донёс Морвину обратно через огороды к деревенской улице, где их повозка всё ещё стояла у дома старосты. Он не обратил внимания на испуганные и любопытные взгляды деревенских, выглядывающих Из-за ставней. Его цель была ясна: убрать хромую травницу с линии возможного огня и разыскать командира.

Он подошёл к повозке и без лишних церемоний посадил Морвину на её прежнее место у борта, как куклу. Сено было холодным и влажным, но она была благодарна любой твердой поверхности.

– Сиди, – приказал он коротко, его голос снова приобрёл оттенок сурового профессионализма, заглушив недавнее смущение. – И не двигайся. Никуда не уходи, ни с кем не говори. Если что-то пойдёт не так – кричи. Понятно?

Он смотрел на неё, ожидая подтверждения. Его лицо было серьёзным, в глазах – смесь ответственности и раздражения от вынужденной няньки.

– Понятно, – тихо кивнула Морвина, обхватив руками себя, пытаясь согреться. – А ты куда?

– Найду Каэлана и Торвина. Они должны были осмотреть границы леса. Расскажу им про твою экскурсию, – он слегка поморщился. – И про ту, что там живёт. Если она действительно

крадёт детей, нам нужен новый план. А если нет, всё равно нужно понять, что за сила тут орудует.

Он потянулся к своей сумке, лежавшей в повозке, и достал оттуда небольшой, но крепкий кожаный ремешок.

– Дай ногу.

– Что? – удивилась Морвина.

– Твоя нога. Дай сюда. Чтобы ты не решила вдруг пойти на героическую прогулку и снова не угодила в какую-нибудь жижу.

Он не стал ждать её согласия. Аккуратно, но твёрдо, он взял её перебинтованную лодыжку и пристегнул ремешок к скобе на борту повозки, затянув его достаточно туго, чтобы ограничить движение, но не причиняя боли.

Морвина смотрела на это действие с открытым ртом, не зная, смеяться или возмущаться.

– Ты меня привязал?

– Для твоей же безопасности, – парировал Лориан, проверяя прочность узла. – И для моего спокойствия. Я не могу тебя охранять, если ты будешь разбегаться. Сиди, грейся. Я скоро.

Он бросил на неё последний оценивающий взгляд, убедился, что она никуда не денется, развернулся и быстрым шагом направился к лесной опушке, туда, где, по его предположениям, могли быть Каэлан и Торвин.

Морвина осталась сидеть одна, пристёгнутая за ногу к повозке. Чувство унижения боролось в ней с холодной логикой. Он был прав. В её состоянии она была бы только обузой в лесу, где могла скрываться разгневанная лесная ведьма. Но быть на привязи, как коза... это переходило все границы.

Бублик вылез из складок её платья и уселся рядом, глядя на ремешок.

«Ну вот. Сначала подушка, потом грелка, теперь – домашнее животное на привязи. Карьера идёт вверх».

«Очень смешно, – мысленно фыркнула Морвина. – Помоги-ка лучше выбраться из этого».

«Сделать вид, что перегрыз? С удовольствием. Но тогда твой рыцарь вернётся и привяжет тебя уже за обе ноги. И, возможно, за руки. Думаю, пока лучше сидеть тихо. Он ведь и правда скоро вернётся. А с ним – и Каэлан».

Мысль о возвращении Каэлана заставила Морвину напрячься. Ей предстояло объяснить командиру, что она не просто увидела следы ведьмы, а побывала у неё в гостях, и та знает её в лицо. И всё это – будучи привязанной к повозке, что лишь подчеркнёт её нынешний статус: не союзник, не свидетель, а объект. Ценный, хрупкий и крайне проблемный объект.

Она откинулась на сено, глядя на серое небо. Хельдран казался теперь не такой уж далёкой перспективой. И, возможно, каменные стены, и допросы были не самой худшей участью по сравнению с лесным колдуньей, меняющей ландшафт, и охотником, который считал нормальным привязывать её за ногу.

– Мда, – тихо прошептала Морвина, глядя на тусклое небо и ощущая под щекой колючую солому. – Куда я вляпалась. Или это и есть та самая свободная жизнь? Бежать от всех, чтобы в итоге оказаться на привязи у тех, от кого бежала?

«Сомневаюсь, – мысленно фыркнул Бублик, умывая лапкой усы. – Свободная жизнь, по-моему, предполагает меньше грязи, меньше болотных монстров и уж точно отсутствие кожаных ремешков на лодыжке. Особенно когда ведьму, извини за прямоту, как мешок с картошкой, таскают с собой охотники».

«Ты прав, – вздохнула Морвина. – Это не свобода. Это какая-то очень плохо прописанная шутка».

«Знаешь, что я заметил? – продолжил Бублик, его чёрные глазки-бусинки стали серьёзными. – Они не простые охотники. Я долго думал, почему эта «тикающая» штуковина у их командира, почему они так слаженно работают, и почему их так мало волнует мнение местных властей. А потом вспомнил кое-какие слухи из подполья».

Морвина насторожилась.

Бублик, как любое магическое существо, был подключён к своеобразной «информационной сети» – слухам, шепоту духов, обрывкам мыслей, которые ловят фамилиары.

«Какие слухи?»

«Что Орден Серебряного Когтя не однороден. Есть простая пехота – те, что патрулируют дороги и гонятся за деревенскими колдуньями. А есть... элита. Особые оперативные группы. Их называют «Клинки Рассвета» или «Молоты Ереси». Они не занимаются ерундой. Их задачи – большая игра. Ликвидация ключевых фигур ковенов, охота на артефакты, проникновение в магические анклав. Их мало, они хорошо экипированы и подчиняются напрямую высшему командованию в столице, минуя местных комендантов. Их можно узнать по деталям: у них часто есть личные, зачарованные артефакты для отслеживания магии – вроде той «тикающей» штуковины».

Мысли Бублика висели в воздухе, тяжёлые и неумолимые. Морвина почувствовала, как у неё в груди всё сжалось.

«Ты думаешь, они «Молоты»?»

«Посмотри на Каэлана, – мысленно парировал Бублик. – Он не спрашивает разрешения. Он отдаёт приказы, и они выполняются беспрекословно. Он видит на десять шагов вперёд. Он не испугался древовязок, не испугался лесной ведьмы. Он анализирует. А Лориан и Торви, они не просто наёмники. Они обучены действовать втроём против превосходящих сил. Торвин – стратег и следопыт. Лориан – авангард, отвлекающий удар. А Каэлан – мозг и воля. Это не случайная сборная. Это отточенный инструмент. И мы, похоже, не просто попались им по дороге. Мы – часть их плана. Или стали ею, когда нашли тот кинжал в тростниках».

Морвина закрыла глаза.

Всё складывалось в ужасающую картину. Её бегство, встреча с ними в таверне, их внезапный интерес, их решение «подвезти» её. Всё это не было чередой случайностей. Каэлан с самого начала что-то заподозрил. Или знал. А когда они нашли печать матушки Илги, она из «подозрительной травницы» превратилась в «ключевого свидетеля» в их большой охоте на «Чёрных Ласточек». Вот почему они так резко изменили маршрут на Хельдран. Не из жалости к её ноге. Потому что в Хельдрани были не просто следователи, а специалисты по добыче информации из таких, как она. А их задержка в этой деревне Из-за ведьмы... это была досадная помеха их главной миссии.

– Значит, – прошептала она вслух, едва слышно, – я не случайный попутчик. Я трофей. Или приманка.

«Скорее, и то, и другое, – грустно констатировал Бублик. – Приманка для ковена, чтобы выманить их, пока мы едем в Хельдран. И трофей, который они сдадут своим начальникам, чтобы те выжали из тебя всё, что знаешь. Даже если ты не знаешь ничего полезного... сам процесс будет «полезен» для их отчётов».

Морвина смотрела на ремешок на своей ноге. Он вдруг стал казаться не просто мерой предосторожности Лориана, а символом её истинного положения. Она была на привязи у «Молотов Ереси». И эта привязь была крепче, чем кожаный ремешок.

«Что же нам делать?» – мысленно спросила она, и в её голосе прозвучало отчаяние.

«Пока – сидеть тихо и не дёргаться. Слушать. Смотреть. И ждать своего шанса, – ответил Бублик. – Они важные шишки, но даже у самых важных шишек бывают пробелы в броне. И когда он появится... мы должны быть готовы. Даже если для этого придётся снова залезть в самую вонючую жижу. Лишь бы не в каменные подвалы Хельдрана»

– Мда, – тихо прошептала Морвина, глядя на тусклое небо и ощущая под щекой колючую солому. – Куда я вляпалась. Или это и есть та самая свободная жизнь? Бежать от всех, чтобы в итоге оказаться на привязи у тех, от кого бежала?

«Я уверен. По крайней мере, даже если они догадываются, что ты ведьма, то не знают, какая».

В его мысленном голосе прозвучала та самая ехидная, знающая нота, которая обычно предвещала либо очень хорошие, либо очень плохие новости.

«Что ты имеешь в виду, «какая»?» – спросила Морвина, осторожно поглаживая его за ушком.

«Они видят девушку, которая боится, падает в грязь, пользуется травами и, самое главное, у которой нет явного, кричащего запаха магии. Для них «ведьма» – это либо лесная дикарка вроде той, что вышвырнула тебя, либо чёрная ритуалистка из ковена вроде твоей бывшей матушки. У тех аура пахнет кровью, тленом и властью. А ты...».

Бублик умолк на мгновение, подбирая слова.

«Ты всегда была другой. Ты не рвалась к силе. Ты хотела тишины, трав и покоя. Твоя магия... она всегда была больше про жизнь, чем про смерть. Про рост, а не увядание. Про маленькие, незаметные вещи – подсказать ростку, куда повернуться, успокоить боль, найти потерянное. Да, ты могла и навредить, но это было не твоё. Ты, если можно так сказать, ведьма-целительница. Ведьма- травница. Самая безобидная и самая... скучная, с точки зрения охотников за силой. Твой «запах» – он лёгкий, как запах дождя на траве. Его не разобрать в общей вонию леса, пота и страха. Даже их «тикалка» реагирует на него слабо – я следил. Она тикала чаще на мои попытки что-то сделать или на следы той лесной отшельницы, чем на тебя саму».

Морвина слушала, и в её душе что-то ёкнуло. Она всегда считала свою магию недостаточной, слабой, недостойной внимания «Чёрных Ласточек». И теперь, оказывается, это могло быть её спасением. Её козырем.

«Ты хочешь сказать, что я для них неинтересная ведьма?»

«Неправильная ведьма, – поправил Бублик. – Та, что не вписывается в их схемы. Они ищут угрозу, ритуалы, жертвоприношения. А ты, просто хочешь жить. И это сбивает их с толку. Каэлан подозревает тебя в связи с ковеном, потому что это логично. Но он не может понять твоих мотивов. Почему ты не пыталась бежать по-настоящему? Почему не колдуешь? Для него это или гениальная игра, или признак того, что ты не то, что он думает. И эта неопределённость – наше пространство для манёвра».

Морвина задумалась. Всё так. Она избегала магии не только из страха быть обнаруженной, но и потому, что это было против её сути – навязывать миру свою волю. Её магия была мягкой, почти неотличимой от природы. И это, как ни парадоксально, делало её призраком в их мире грубой силы и чётких догм.

«Значит, я должна оставаться «неправильной». Слабой. Обычной. Даже когда они повежут меня в Хельдран».

«Именно, – мысленно кивнул Бублик. – Пока они считают тебя мелкой сошкой, у тебя есть шанс. Мелкую сошку могут и отпустить после «беседы», если поймут, что с неё нечего взять. А вот если они узнают, что ты, пусть и тихая, но ведьма с фамилиаром, с знаниями... тогда ты станешь образцом для изучения. Редким экземпляром. И от такого уже не отпускают. Никогда. Так что, будь как тогда в Вальтервике...»

Морвина тяжело вздохнула.

«Не вспоминай, пожалуйста»

Холодный ужас сковал ее. Она представляла себя запертой в каменной клетке, объектом экспериментов, пока её медленно разбирают по косточкам, чтобы понять механизм её «неправильной» магии.

– Тогда я буду самой обычной травницей, – тихо пообещала она себе и Бублику. – Самой скучной, самой беспомощной. Даже если для этого придётся терпеть этот дурацкий ремешок и смотреть, как Лориан краснеет.

«И я буду самой обычной крысой, – добавил Бублик. – Которую тошнит от магии, и которая мечтает только о куске сыра. Договорились».

Не успела Морвина, ободрённая новой стратегией, хоть немного расслабиться, как её внимание привлекло движение на краю дороги. В одной из многочисленных луж, оставленных недавними событиями, вода заколебалась не от ветра. Из её мутной глубины начала медленно вылизываться – нет, вылезать – небольшая, бесформенная масса. Она была из грязи, воды и перегнивших листьев, и держалась вместе лишь волей некоей мерзкой магии. На её поверхности, в совершенно хаотичных местах, открылись несколько крошечных, тускло-зелёных огоньков – примитивные глаза.

За первой лужей последовала вторая, третья. Из каждой вылезали подобные грязевые скопления, размером с крупную кошку, неуклюже передвигающиеся на коротких, расплывчатых лапах-наростах. Они не рычали, не шипели. Они просто тихо выползали и начинали медленно, но неумолимо двигаться в её сторону. От них исходил слабый, но тот самый узнаваемый запах – мёртвой земляники и сырой меди. Отголоски власти лесной ведьмы.

Очевидно, та не собиралась оставлять незваных гостей в покое и посылала своих маленьких, грязевых "разведчиков" или "доедателей".

У Морвины перехватило дыхание от чистого, животного ужаса перед этой тихой, ползучей мерзостью. Она инстинктивно рванулась назад, забыв про привязанную ногу. Ремешок резко натянулся, боль рванула в лодыжке, и она, потеряв равновесие, свалилась с борта повозки. Но не упала на землю. Ремешок удержал её, и она повисла вниз головой, зацепившись за борт одной ногой, а другой болтаясь в воздухе. Голова оказалась в опасной близости от земли, куда уже подползали первые грязевые комки.

– А-а-а! – вырвался у неё сдавленный крик больше от неожиданности и неудобства, чем от боли. Она качалась, как маятник, пытаясь ухватиться руками за что-нибудь, но до борта или колёс не дотягивалась.

Бублик, выпавший при падении, мгновенно оценил ситуацию. Он не стал атаковать – против полужидких тварей это было бесполезно. Вместо этого он, распушив шерсть и встав на задние лапки, издал пронзительный, леденящий душу писк – не обычный крысиный, а наполненный магией тревоги, сигнал бедствия, который должен был пронзить лес и долететь до ушей любого, кто способен его услышать. Включая охотников.

Первый грязевой комок уже был у неё под головой. Один из его зелёных глазков тупо уставился на неё, а из массы вытянулся тонкий, похожий на щупальце отросток, с каплей чёрной, вонючей жидкости на конце. Он тянулся к её лицу.

– Лориан! – закричала Морвина из последних сил, отчаянно пытаясь подтянуться на руках, но скользкая грязь на пальцах мешала. – Каэлан! Помогите!

Её крик, смешанный с писком Бублика, разнёсся по тихой деревне. На мгновение показалось, что ничего не произойдёт. Грязевое щупальце было уже в сантиметре от её щеки...

И тут Из-за угла ближайшего дома метнулась тень. Не Лориана, а Торвина. Он двигался с тихой, хищной скоростью. В его руке блеснуло лезвие топора, но он не стал рубить тварей. Вместо этого он резко опустил оружие плашмя на землю перед самым комком и с силой поволок его, как лопатой, поднимая фонтан грязи и отшвыривая тварь в сторону. Комок развалился при ударе, но тут же начал собираться снова.

– Режь ремень! – рявкнул Торвин через плечо, уже отбиваясь от другого комка, используя топор как щит.

Следом прибежал Лориан, его лицо было искажено яростью. Увидев Морвину, висящую вниз головой, и ползущую к ней мерзость, он не стал тратить время на вопросы. Выхватив короткий клинок, он одним точным ударом перерезал кожаный ремешок у самой скобы.

Морвина рухнула на землю, но теперь прямо в руки Лориану, который подхватил её, не дав удариться.

– Я же сказал не двигаться! – прошипел он, но в его голосе был не гнев, а дикое облегчение, что успел.

– Они... из луж... – смогла выдавить Морвина, дрожа всем телом.

– Вижу, – бросил Лориан, оглядываясь. Тварей было уже с десяток, и они медленно, но верно окружали их.

В этот момент на поляну вышел Каэлан. Он не бежал. Он шёл ровным, быстрым шагом, и в его руке был не меч, а тот самый металлический артефакт, который он держал перед собой, как компас. Он смотрел не на тварей, а на лес, на ту сторону, откуда они приползли. Артефакт в его руке тикал – быстро, часто, как разъярённый жук.

– Довольно, – произнёс он, и его голос, холодный и резкий, прозвучал с неожиданной силой. Он направил артефакт прямо в чашу. – Это наши дела. Убирайся обратно в свои корни.

И случилось нечто странное. Твари замерли. Их зелёные глазки замигали, потом потухли. Одна за другой, грязевые комки начали расплываться, теряя форму, превращаясь обратно в обычную грязь, стекающую в лужи.

Лес на мгновение стал тихим- тихим. Даже ветер стих. Потом из глубины, едва уловимо, донёсся тот самый ледяной напев – на этот раз короткий, словно насмешливый, и оборвавшийся на высокой ноте. И снова тишина.

Каэлан медленно опустил артефакт. Он обернулся и посмотрел на Морвину, которую Лориан всё ещё держал на руках. Его взгляд был тяжелее свинца.

– Похоже, произнёс он, – наша лесная соседка решила с нами познакомиться поближе. И у неё, кажется, личный интерес к нашей травнице. Что такого ты ей сказала, когда была у неё в гостях?

Под тяжестью взгляда Каэлана и в прочном, но теперь скорее защитном, чем неловком, захвате Лориана, Морвина заставила свой голос звучать чётко, несмотря на дрожь.

– Я спросила её: «А почему детей ворует?» – сказала она, глядя прямо в ледяные глаза командира.

Тишина, повисшая после её слов, была ещё более звонкой, чем после его приказа. Даже Лориан слегка изменился в лице, ощущая напряжение, исходящее от Каэлана.

Командир не моргнул. Он изучал её, будто пытался прочесть скрытый смысл за этой простой, почти детской репликой.

– И что она ответила? – спросил он настолько спокойно, что стало страшно.

– Ничего, – честно ответила Морвина. – Она лишь сказала, что не мне её судить. Потом вышвырнула меня. Но по тому, как она на это отреагировала...

Морвина сделала паузу, подбирая слова так, чтобы они звучали как наблюдение простой девушки, а не ведьмы.

– Мне показалось, она скорее обиделась, чем разозлилась. Как будто я её в чём- то обвинила, а она так не делала.

Каэлан медленно кивнул, как бы переваривая эту информацию. Его мозг, выточенный для анализа угроз, работал на полную.

– Обида... а не гнев, – проговорил он, больше для себя. – Интересно. Это может означать, что- либо она детей не крада, и обвинение задело её самолюбие. Либо она крадёт их по какой- то причине, которую считает оправданной. И твой вопрос прозвучал для неё как осуждение со стороны того, кто, по её мнению, не имеет права.

Он перевёл взгляд с Морвины на лес, туда, откуда донёсся напев.

– Она знала тебя. Назвала по имени. Связана ли она с «Чёрными Ласточками»?
Не знаю, – снова честно сказала Морвина. – Она упомянула, что ковен ищет меня.
Лориан наконец нашёл, что сказать, всё ещё держа её.

– Значит, она независимая. Дикарка. Но сильная. И теперь она заинтересовалась нами. Особенно нашей травницей. – Он посмотрел на Каэлана. – Командир, это меняет ситуацию. У нас теперь два потенциальных противника: ковен и лесная ведьма. И оба, кажется, хотят заполучить девушку.

Каэлан повернулся к ним, приняв решение.

Это упрощает задачу. Наша цель – ковен. Лесная отшельница – помеха, но не приоритет. Однако если она решит вмешаться... – его взгляд снова скользнул по Морвине, – она станет угрозой, которую нужно устранить. Но пока у нас нет доказательств её причастности к пропаже детей. А её интерес к нашей спутнице... может быть использован.

В его голосе прозвучала та самая холодная, стратегическая нота, от которой у Морвины по спине побежали мурашки. «Использован». Как приманку? Как разменную монету?

– Мы возвращаемся в деревню, – продолжил Каэлан. – Нужно допросить старосту и родителей ещё раз, узнать все детали о пропавших. И приготовиться к выдвигению. Эта задержка уже стоит нам времени. Лориан, отнеси её в дом, пусть приведёт себя в порядок. Торвин, осмотрь периметр, нет ли других следов. Я поговорю с местными.

Лориан кивнул и, не выпуская Морвину, понёс её к дому старосты. На пороге он наконец осторожно поставил её на ноги, всё ещё придерживая за локоть.

– Ты в порядке? Нога?

– Да, спасибо, – прошептала Морвина, чувствуя, как земля под ногами снова обретает твёрдость. Она посмотрела на перерезанный ремешок, болтающийся у её щиколотки. – Извини за... за то, что не послушалась.

– Да брось, – отмахнулся он, но избегал её взгляда. – Я бы на твоём месте тоже дёрнулся. Эта штукавина... – он кивнул в сторону леса. – Она специально их прислала, чтобы напугать. Или выманить. Каэлан прав, у неё к тебе интерес. Так что теперь ты под ещё большей защитой. Хочешь ты того или нет.

Он произнёс это как факт, но в его голосе снова прозвучала та самая обременительная ответственность.

Староста, напуганный до полусмерти и проникшийся важностью (или опасностью) гостей, предоставил им на ночлег не просто сеновал, а целый пустующий дом на самой окраине деревни. Тот самый, чей огород выходил к злополучной вербе и топкому пятакчу. "Чтобы, значит, вы, господа охотники, были ближе к делу", – бормотал он, вручая Каэлану ключ. Логика была проста и ужасна: если что случится, пусть случится на краю, подальше от других изб.

Теперь они сидели – а точнее, Морвина лежала – в главной комнате этого дома. Воздух был спёртый, пропахший пылью и старой печалью. Посреди комнаты стояла широкая деревянная кровать, на которую Лориан буквально уложил Морвину после короткого и безапелляционного "Ты отдыхаешь". Ей дали одежду переодеться. Сами охотники разместились в сенях и у окон, создавая периметр обороны. Командир Каэлан, кажется, вообще не собирался спать.

Морвина лежала на спине, уставившись в потолок, покрытый паутиной. Бублик устроился у неё на груди, свернувшись калачиком.

«Как замечательно, – мысленно протянул он, и в его голосе звучала чистейшая, неразбавленная ирония. – Прямо к самой опасности. Не просто в деревне, где есть ведьма. А в доме, который выходит окнами прямо на её любимое болотце. Прямо на линию фронта. Я начинаю думать, что староста не так прост, как кажется. Может, он надеется, что мы друг друга перебьём, а деревня останется в стороне».

«Или он просто хочет, чтобы мы утром первым делом вышли на поиски, не тратя время на дорогу, – мысленно вздохнула Морвина. – Но да, это идеальное расположение для катастрофы».

Она прислушивалась к звукам. За стеной слышались тихие шаги Торвина, проверявшего запоры на окнах. Где-то у порога притулился Лориан, его дыхание было ровным, но слишком тихим, чтобы спать. А снаружи был лес. Не просто тёмный и тихий, а наблюдающий. Она чувствовала это кожей. После сегодняшней стычки та, другая ведьма, точно не оставила их без внимания. И теперь они спали – или пытались спать – в её преддверии.

«Чувствуешь?» – спросил Бублик. – Давление. Как перед грозой. Только гроза эта – зелёная и пахнет гнилыми ягодами».

«Чувствую, – мысленно ответила Морвина. – Она там. Смотрит. И ждёт. Чего?»

«Возможно, подходящего момента. Чтобы забрать тебя, не связываясь с тремя профессиональными убийцами. Или чтобы показать свою силу. Или чтобы поговорить. Твой вопрос её задел. Может, ей есть что сказать в своё оправдание».

Мысль о том, что лесная дикарка может захотеть объясниться, показалась Морвине странной, но не невозможной. Та ведьма смотрела на неё не с чистой ненавистью. Было что-то ещё: презрение, да, но и... любопытство. Почему?

Дверь в сени тихо скрипнула, и в комнату вошёл Каэлан. Он подошёл к окну, отодвинул край грубой холщовой занавески и долго смотрел в ночь. Его профиль в лунном свете казался вырезанным из камня.

– Она не нападёт ночью, – сказал он вдруг, не оборачиваясь, словно читая её мысли. – Её сила – от земли, от корней. Днём она сильнее. Сейчас она выжидает.

Морвина не ответила. Что она могла сказать? Согласиться, как опытная колдунья? Или промолчать, как испуганная девушка?

Каэлан всё же обернулся, его взгляд упал на неё.

– Вы должны понять одну вещь, – произнёс он, и его голос был лишён угрозы, это было просто изложение фактов. – Независимо от того, крала она детей или нет, она стала помехой нашей миссии. И теперь, проявив интерес к вам, она стала угрозой конкретно для вас. Завтра мы попытаемся найти её логово. Если она невиновна в пропажах и согласится отступить – мы продолжим свой путь. Если нет, вы будете нашей лучшей приманкой, чтобы выманить её.

Он сказал это так спокойно. Морвина почувствовала, как у неё внутри всё похолодело. Её роль окончательно определилась: приманка. Сначала для ковена, теперь для лесной ведьмы.

– Я понимаю, – тихо сказала она, глядя в потолок.

– Хорошо, – кивнул Каэлан и снова отвернулся к окну. – Спите, пока есть возможность.

Он вышел, оставив её наедине с Бубликом и давящей тишиной дома на краю гибели.

«Приманка, – мысленно констатировал Бублик. – Звучит так романтично. Особенно когда понимаешь, что приманку обычно съедают».

«Они не дадут ей меня съесть, – мысленно попыталась успокоить себя Морвина. – Я им нужна живой. Для Хельдрана»

«Ага. А лесной ведьме ты для чего нужна? Для беседы? Сомневаюсь. Нет, если она захочет тебя забрать, они будут драться. И в этой драке приманка имеет обыкновение ломаться. Так что надеюсь, наша лесная подруга всё-таки оказалась добрее, чем кажется. Или, по крайней мере, у неё другие планы».

Уже совсем стемнело. Лунный свет, пробивавшийся сквозь грязные стёкла, рисовал на полу бледные прямоугольники. В доме стояла тишина, настолько глубокая, что слышался лишь лёгкий скрип старых балок да далёкий крик совы в лесу. Морвина, несмотря на усталость и стресс, наконец начала проваливаться в тревожную дремоту.

Она только прикрыла глаза, как услышала почти бесшумный скрип половицы в сенях. Дверь в комнату отворилась без стука. Тяжёлые, но осторожные шаги пересекли порог. Матрас

подался рядом с ней, и на кровать опустился чей-то вес. Пахнуло кожей, холодным металлом и лесом.

Морвина повернула голову, различая в полумраке знакомый контур.

Лориан? – тихо, почти шёпотом, спросила она.

В ответ не последовало ни его привычного бодрого отклика, ни смущённого бормотания. Силуэт лишь слегка пошевелился, устроившись поудобнее, лёжа на спине, положив руки под голову. Он смотрел в потолок.

Прошло несколько томительных секунд.

– Не спится, – наконец произнёс он, и его голос звучал необычно тихо, без привычной бравады. Грубоватый, но приглушённый ночью.

– Мне тоже, – призналась Морвина. Она не стала спрашивать, зачем он пришёл. Вопрос повис бы в воздухе слишком громко.

– Этот дом... – он помолчал. – Он как западня. Чувствуешь?

– Да.

– Командир думает, что она не нападёт ночью. Может, он и прав. Но дежурить всё равно надо. Торвин у окон. Я здесь.

Он сказал это просто.

Не «я пришёл тебя охранять», а «я здесь».

Как будто это было само собой разумеющимся. Как будто его место в эту ночь было именно на этой кровати, на расстоянии вытянутой руки от неё.

Морвина смотрела на его профиль, освещённый лунным светом. Видела напряжённую линию его челюсти.

– Ты её боишься? Лесной ведьмы? – спросила она неожиданно для себя.

Он фыркнул, но беззлобно.

– Бояться – не то слово. Уважаю. Она сильная. И её магия другая. Не та, к которой привыкли. С ковенскими хоть понятно, чего ждать: ритуалы, яды, иллюзии. А эта она может дерево оживить, землю заставить говорить. Это древняя сила. С такой шуточки плохи. – Он повернул голову, и их взгляды встретились в полутьме. – А ты? Боишься?

– Ужасно, – ответила Морвина. – И её, и того, что будет завтра. И того, что будет после завтра. В Хельдране.

Он снова замолчал, размышляя над её словами.

– Командир, он не злой. Он просто делает свою работу. Самую грязную её часть. Если ты скажешь им всё, что знаешь о ковене, и это окажется правдой... может, и отпустят.

– А если не знаю ничего полезного? – прошептала она.

– Тогда... – он не договорил. Ответ был и так ясен. Тогда «помогут вспомнить». – Тогда лучше что-нибудь знать, – выдал он в итоге. – Даже если придётся придумать.

Это была прямая, грубая и абсолютно непрофессиональная подсказка. Нарушение всех правил. Но он сказал это. Лёжа рядом с ней в тёмной комнате на краю леса, населённого ведьмой.

Морвина почувствовала странный ком в горле. Благодарность? Да, но смешанная с горечью.

– Спасибо, – сказала она так же тихо.

– Не за что, – пробурчал он и снова уставился в потолок. – Просто, не хочу, чтобы из тебя сделали овощ. Ты, в конце концов, моя травница. Я за тебя отвечаю.

Он произнёс это снова с той же обременительной ответственностью, но теперь в ней слышалась уже не досада, а что-то вроде привычки. Собственности. Может, даже заботы, пусть и кривой, как коряга.

Они делили тишину, не засыпая. Между пережитым днём и возможным последним утром он был рядом – осязаемый, надёжный, заслоняющий собой ночную тьму. И именно это странным образом дарило покой.

Тишина и странное спокойствие, наступившее после их тихого разговора, давили меньше. Морвина лежала на спине, чувствуя, как напряжение медленно покидает её тело, сменяясь тяжёлой усталостью. Но сон всё равно не шёл. Мысли вихрем кружились в голове: лесная ведьма, Хельдран, её собственная выдуманная легенда, холодные, оценивающие глаза Каэлана.

Она перевернулась на бок, потом, после минутного колебания, на живот. Рука неловко легла на край матраса рядом с его боком. Потом, почти не думая, движимая потребностью в чём-то простом и твёрдом, что не было бы страхом или обманом, она положила голову ему на живот, чуть ниже грудной клетки.

Лориан вздрогнул. Всё его тело на мгновение напряглось, как у дикого зверя, почуявшего неожиданное прикосновение. Его дыхание прервалось.

– Что ты... – начал он сдавленно.

Но Морвина не стала убирать голову. Она просто лежала так, прислушиваясь к глухому, ритмичному стуку его сердца под слоями ткани, кожи и мышц. Это был живой, настоящий звук. Никаких уловок. Просто жизнь.

– Расскажи о себе, – тихо попросила она, уткнувшись лбом в грубую ткань его рубахи.

Он замер. Казалось, он пытался сообразить, как реагировать. Оттолкнуть её? Сказать что-то грубое? Но после паузы напряжение из его тела начало уходить. Он не обнял её, не погладил по голове. Он просто остался лежать, позволив ей использовать себя как подушку.

– Что рассказывать? – наконец пробурчал он, и в его голосе слышалось скорее замешательство, чем раздражение. – Охотник. Как и все.

– Не как все, – возразила Морвина. – Каэлан... он кажется особенным. Вы все – слаженная команда. Так ведь?

Лориан резко вздохнул, и его живот под её щекой поднялся и опустился.

– Кто тебе... Ладно. Да, мы вместе давно работаем. Каэлан – наш командир, лучший стратег, какого я знаю. Торвин – камень, на нём всё держится. А я... – он хмыкнул, – я тот, кто лезет вперёд и создаёт проблемы, которые они потом решают.

– А почему именно такая работа? Охота на... на нечисть и ведьм? – она произнесла последнее слово осторожно, как бы проверяя реакцию.

Он помолчал.

– Кто-то же должен это делать. Иначе они расползутся, как зараза. Ведьмы воруют детей, насылают мор, губят урожай. Нечисть режет скот, а то и людей. Кому-то надо ставить заслон. – Он говорил это как заученную истину, но без особого фанатизма. Как о тяжёлой, но необходимой работе. – Хотя твоя лесная знакомая она да, особый случай. С такой мы ещё не сталкивались.

– А ты много настоящих ведьм видел? – спросила Морвина, затаив дыхание.

Он снова замолчал, и сердце под её ухом забилось ровно, без скачков.

– Видел. Не много, но хватило. Их обычно видно – глаза горят неправильным, вещи странные носят, от них пахнет опасностью. Или страхом. Чаще – и тем, и другим. – Он слегка повернул голову, и в темноте она почувствовала, что он смотрит на макушку её головы. – А ты... ты не такая. Ты просто падаешь в грязь и боишься слизнегрызов. Девчонка из деревни, которая попала не в то время и не в то место.

Его слова были грубыми, но в них не было подозрения. Была констатация. Он, как и Каэлан, видел несоответствие. Но где Каэлан видел загадку, Лориан видел просто невезение и личную ответственность за «свою» беспомощную попутчицу.

– А у тебя семья есть? – сменила она тему, чувствуя облегчение и новую тревогу одновременно. Его уверенность в её «невинности» была и защитой, и ловушкой.

– Была. В городе. Сестра. Родители. – Его голос стал отстранённым. – Сейчас не вижу. Работа не позволяет.

– Скучаешь?

– Иногда. – Он сделал паузу. – А ты? Откуда ты на самом деле, травница? Такая тихая.

Вопрос был неизбежен. Морвина прижалась к нему чуть сильнее, как будто ища опоры для своей легенды.

– Из далека. Из такого места, откуда хочется уйти и никогда не возвращаться. Где все знают твоё место и не дают его покинуть. Где бывает страшно.

– Понятно, – сказал Лориан, и в его голосе прозвучало что-то вроде понимания. Он, кажется, не ожидал подробностей и не стал настаивать. Возможно, принял её слова за описание какой-нибудь тиранической семьи или деспотичной деревни. – Значит, бежишь.

– Бегу, – подтвердила она шёпотом.

Они снова замолчали. Его рука, лежавшая на одеяле рядом, слегка пошевелилась, и его пальцы на мгновение коснулись её волос – неуверенно, почти случайно, и тут же отдернулись. Но прикосновение было.

– Спи, – сказал он хрипло. – Завтра будет тяжело. Надо найти эту лесную дуру, выяснить про детей и решить, что с ней делать. А потом поедem дальше.

– Ты тоже спи.

– Я на дежурстве.

Она не стала спорить. Просто лежала, слушая его дыхание и стук сердца. Его уверенность в том, что она «просто девчонка», была ей щитом. Но это был хрупкий щит, который мог разбиться в любую секунду, если Каэлан найдёт реальные доказательства или если лесная ведьма скажет лишнего. А пока... пока это тепло, этот стук сердца и эта странная, вынужденная близость были её островком в бушующем море лжи и опасностей.

Четыре дня.

Целых четыре дня они провели в этой проклятой деревне на краю леса, и всё шло по нарастающей в ад. Дни слились в одно монотонное, напряжённое ожидание. Они патрулировали, осматривали лес, пытались выследить лесную ведьму по её болотным тропам, но та будто растворилась в своём же искажённом ландшафте. Детей не находили. Новых следов похищений не было. Было лишь гнетущее чувство, что за ними наблюдают из каждой тени, с каждого дерева, покрытого странным мхом.

К концу третьего дня нога Морвины, наконец, перестала быть беспомощным грузом. Опухоль спала, и она, опираясь на палку, уже могла передвигаться сама, хоть и с осторожностью. Это была маленькая победа, но даже она не могла разрядить атмосферу всеобщего разочарования и нарастающего раздражения.

На четвертый день всё достигло пика.

Они вернулись с очередного бесплодного обхода – Каэлан мрачный и молчаливый, Лориан хмурый и едкий, Торвин...

Торвин, обычно невозмутимый как скала, просто тихо кипел. И когда они в очередной раз в доме старосты обсуждали (вернее, Каэлан отдавал приказы, а остальные слушали) план на завтра, что-то в Торвине щёлкнуло.

Лориан, в сердцах, бросил свою амуницию на стол с грохотом.

– Да что мы тут вообще делаем? Рисуем круги по лесу! Её, эту болотную дрянь, и след простыл! Может, она уже далеко, а мы тут...

– Лориан, – холодно остановил его Каэлан.

Но было поздно. Торвин, который до этого молча стоял у печи, вдруг резко развернулся. Его лицо, обычно выражающее лишь терпение, было искажено такой немой, сконцентрированной яростью, что Морвина инстинктивно отпрянула. Она никогда не видела его таким.

– Четыре дня, – прозвучал его голос, низкий, хриплый и настолько тихий, что его было страшнее крика. Он не смотрел на Лориана. Он смотрел куда-то в пространство перед собой, будто видел там всех пропавших детей, все неудачи, всю потраченную впустую времени. – Четыре дня мы топчемся здесь. Из-за чего? Из-за слухов перепуганных баб? Из-за грязевых пятен и пропавших кукол?

Он сделал шаг вперёд, и его массивное тело казалось вдруг ещё больше, заполняя собой всю комнату.

– У нас есть приказ. Конкретный. Весьма важный приказ, – он бросил тяжёлый взгляд на Морвину, которая замерла у стола, – а мы играем в сыщиков с лесной феей, которая, возможно, и не существует!

Каэлан поднял руку, чтобы его утихомирить, но Торвин был неостановим. Ярость, копившаяся все эти дни в самом спокойном из них, вырвалась наружу.

– Она, – он кивнул в сторону Морвины, – ходить начала. Значит, может ехать. Пора заканчивать этот цирк. Или мы находим эту тварь сегодня, до заката, и заставляем её говорить, или мы садимся в повозку и едем выполнять свою настоящую работу!

Комната застыла. Даже Каэлан, обычно полностью контролирующей ситуацию, казалось, был застигнут врасплох такой вспышкой. Лориан притих, понимая, что зашёл слишком далеко и спровоцировал не того. Морвина смотрела на Торвина широко открытыми глазами. Этот тихий, надёжный гигант, который чинил сёдла и молча варил похлёбку, оказался способен на такую бурю. И его слова били точно в цель. Они здесь застряли. Из-за неё? Из-за её неудачного вопроса ведьме? Из-за того, что она стала точкой пересечения интересов?

Каэлан медленно опустил руку. Его лицо было непроницаемым.

– Ты закончил, Торвин?

Тот тяжело дышал, его кулаки были сжаты. Он кивнул, коротко, резко, не отводя взгляда.

– Хорошо, – сказал Каэлан. – Твоя точка зрения принята к сведению. Но решение остаётся за мной. Мы даём ей ещё один день. Завтра мы проводим последнюю, тотальную зачистку по новому маршруту. Если не найдём логово или следы детей – сворачиваемся и уезжаем на рассвете послезавтра. Наш срок истёк.

Торвин кивнул ещё раз, уже без прежней ярости, но с нескрываемым облегчением. Он повернулся и вышел из дома, хлопнув дверью так, что задрожали стёкла.

В комнате повисло тяжёлое молчание. Лориан избегал взгляда командира. Морвина стояла, прислонившись к столу, чувствуя, как под ногами снова зашаталась почва её и без того шаткого положения.

«Настоящая работа».

Её везли в Хельдран. И теперь, когда она перестала быть обузой, способной только лежать, отсрочка закончилась.

Каэлан посмотрел на неё, и в его взгляде не было ни гнева, ни упрёка. Был холодный расчёт.

– Вы слышали. Завтра решающий день. Будьте готовы к долгому переходу. И, – он сделал небольшую паузу, – будьте готовы ко всему. Если мы наткнёмся на неё, может потребоваться ваше участие

Он не уточнил, в качестве чего. Приманки? Наживки? Свидетеля?

Старики, пожелав ей добра, удалились в вечерние сумерки. Морвина посидела ещё немного, пытаясь привести в порядок путаницу мыслей, потом взяла крынку с молоком и свёрток с лепёшками. Пора было возвращаться в дом, в эту временную, тревожную крепость.

Она зашла в сени, где у стола при тусклом свете масляной лампы сидел Каэлан. Он разбирал и чистил детали своего оружия, его лицо было сосредоточено и отстранённо. Он лишь кивнул ей, не отрываясь от работы. Морвина, не нарушая тишины, положила одну из ещё тёплых лепёшек на край стола рядом с ним. Он поднял на неё глаза, и в них на секунду промельк-

нуло что-то – не удивление, а скорее лёгкое, аналитическое одобрение жеста. Он кивнул снова, уже чуть менее формально, и снова погрузился в своё занятие.

Она прошла дальше, в жилую комнату, приглушённо освещённую другим светильником. И замерла на пороге.

Лориан стоял спиной к ней посреди комнаты, перед тазом с водой. Он снял рубаху, и теперь его спина, широкая и мускулистая, была открыта. И не просто открыта – она была испещрена шрамами. Не крупными уродливыми рубцами, а множеством мелких, тонких белых линий – следы от когтей, от осколков, от лёгких, но многочисленных ранений, полученных в бесчисленных стычках. Они переплетались на загорелой коже, как странная, жестокая карта его службы. Он наклонился, чтобы смочить тряпку, и мышцы спины плавно играли под кожей.

Он услышал её шаг или почувствовал взгляд и резко обернулся.

Теперь её взору открылся уже не просто торс, а весь он. Широкая грудная клетка, также покрытая парой шрамов, рельефный пресс, сильные плечи. В свете лампы его тело казалось высеченным из тёплого камня. Он не смутился, не бросился сразу же хватать рубаху. Он просто стоял, глядя на неё, его лицо выражало скорее удивление, чем стыд. Капли воды стекали по его шее и груди.

В комнате повисла напряжённая, густая тишина. Морвина, чувствуя, как кровь приливает к её лицу, заставила себя не отводить взгляд и не пятиться. Вместо этого она сделала лёгкий, чуть ироничный шаг вперёд и, смерив его фигуру взглядом, произнесла с самой невинной улыбкой, какую только смогла изобразить:

– Ого. Мы уже так близки?

Её голос прозвучал немного хрипло, но шутка удалась – она сняла остроту момента. Лориан фыркнул, и уголок его рта дрогнул в чём-то, почти похожем на улыбку. Он не стал прикрываться.

– Что, никогда охотника без кирасы не видела? – парировал он, беря со стула свою рубаху, но не спеша её надевать. – Это тебе не городские щёголи. У нас тут больше шрамов, чем украшений.

– Я вижу, – кивнула Морвина, делая вид, что изучает коллекцию. – Впечатляет. Особенно этот, – она указала на тонкую белую линию, идущую по ребру. – От чего?

– Гарпия. Чуть кишки не выпустила, – ответил он буднично, наконец натягивая рубаху. Ткань скрыла его торс, но образ уже отпечатался в её памяти. – А твои? – спросил он, застёгивая пуговицы и глядя на неё. – От трав и корешков, наверное, только царапины?

Он шутил, но вопрос был опасным. Настоящая ведьма, занимающаяся опасной магией, могла бы иметь свои, особые шрамы – от обратной связи ритуалов, от приручения опасных духов. Морвина же действительно могла похвастаться лишь парой мелких царапин от шиповника и ожогом от котла.

– Самая страшная моя рана – это растянутая лодыжка, – отшутилась она, поднимая подол платья и демонстрируя перевязку. – И синяк от падения с повозки, спасибо тебе за помощь в его приобретении.

Лориан хмыкнул, и атмосфера в комнате снова стала почти нормальной.

Почти.

Между ними теперь витало осознание этой новой, визуальной близости, снятия ещё одного слоя формальности.

– Ну, теперь ты знаешь, с кем имеешь дело, – сказал он, садясь на край кровати и начиная натягивать сапоги. – Завтра, если что, хоть будешь знать, что я не просто красивой униформой прикрываюсь.

– Запомню, – улыбнулась Морвина, проходя к своему месту и ставя крынку на тумбочку. – И спасибо, что не стал делать вид, что ничего не было.

– А зачем? – он пожал плечами, и его уши, как она заметила, всё же слегка порозовели. – Ты же сама сказала – мы уже так близки.

Он произнёс это с лёгкой, почти вызывающей усмешкой, но в его глазах не было прежней наглости. Было что-то вроде принятия. Принятия этой странной, вынужденной близости, которая за эти дни переросла во что-то более сложное. Что-то, что могло быть и опасным, и спасительным одновременно.

Морвина отвернулась, чтобы скрыть свою собственную краску на щеках. Она развязала свёрток и принялась есть лепёшку, чувствуя, как по её телу разливается странное, тёплое волнение, смешанное с ледящим страхом перед завтрашним днём. Вся эта ситуация – шрамы охотника, его почти обнажённое тело, эта шутовская перепалка – была ещё одним шагом по опасному канату над пропастью. И она всё ещё не знала, куда ведёт этот канат: к спасению или к падению.

Тишина в комнате сгустилась, наполненная лишь их дыханием и далёким треском дров в печи. Морвина сидела на краю кровати, доедая лепёшку, стараясь не оборачиваться на Лориана, который закончил одеваться. Мысли её металась между шрамами на его спине и холодными глазами Каэлана за стеной.

Внезапно она почувствовала движение с его стороны. Не резкое, а скорее решительное. Матрас подался, и через мгновение она ощутила тепло за своей спиной. Его руки обхватили её талию, а подбородок мягко, но уверенно опустился ей на плечо. Он притянул её к себе, не сильно, но так, что её спина прижалась к его груди, сквозь тонкую ткань его рубахи.

Морвина вздрогнула так сильно, что крошки от лепёшки попали ей в дыхательное горло. Она резко кашлянула, пытаясь отодвинуться, но его хватка была твёрдой.

– Ты чего? – выдохнула она, когда кашель утих, её голос звучал хрипло от неожиданности и лёгкого удущья.

– Успокойся, – прошептал он у неё прямо в ухо, и его дыхание щекотало кожу. В его голосе не было ни привычной дерзости, ни даже смущения. – Я просто устал.

– Устал от чего? От того, что у меня на плече подбородок? – попыталась она пошутить, но сердце бешено колотилось.

– От всего. От этой деревни. От этой ведьмы. От ожидания. От того, что завтра может всё закончиться или только начаться по-настоящему. – Он замолчал на секунду, его пальцы слегка сжали ткань её платья на животе. – А ты здесь. Тихое место посреди всего этого бардака. Не шевелись.

Она замерла, не зная, что делать. Оттолкнуть его? Это было бы логично. Но его слова, его усталость, его странная потребность в простом контакте они нашли в ней отклик. Она ведь тоже устала. Устала до костей бояться, притворяться, бежать.

Она не стала отталкивать. Вместо этого она осторожно положила свою руку поверх его, лежавшей у неё на талии. Его пальцы были шершавыми, с загрубевшими мозолями от оружия.

– А Каэлан? – тихо спросила она, кивая в сторону двери.

– Он всё слышит. И всё понимает. И ему всё равно, пока это не мешает работе, – ответил Лориан, и его губы слегка коснулись её плеча, когда он говорил. – Он знает, что я не сойду с ума и не забуду про дозор. Просто сейчас...

Он говорил правду. Каэлан был практиком до мозга костей. Если это помогало его солдату сохранять боевой дух и контролировать ценного свидетеля – он закрыл бы на это глаза.

Морвина сидела, застыв, чувствуя тепло его тела, стук его сердца у себя за спиной. Это было неловко, интимно и странно успокаивающе.

– А если я всё-таки ведьма? – прошептала она в темноту, не в силах сдержаться. – И завтра всё раскроется?

– Тогда, – он вздохнул, и его дыхание снова коснулось её кожи, – завтра я буду драться с ведьмой. А сегодня ты просто девушка, которая чуть не подавилась лепёшкой. И мне с ней спокойно.

Он не сказал, что не верит. Он просто разделил время на «сегодня» и «завтра». И в «сегодня» ей было позволено быть просто собой. Кем бы она ни была на самом деле.

Нервное напряжение и странная нежность, витающая в воздухе, заставили Морвину сделать движение. Она осторожно отложила недоеденную лепёшку в сторону и, преодолевая внутреннее сопротивление, попробовала повернуться к нему лицом, чтобы увидеть его выражение.

Но Лориан, почувствовав её движение, отреагировал быстрее. Его руки, все ещё обхватывающие её талию, легко, почти без усилий, подхватили её, развернули и усадили на свои бедра, лицом к себе. Она очутилась верхом на нём, её руки инстинктивно легли ему на плечи для равновесия. Он сидел на краю кровати, держа её теперь не сзади, а прямо перед собой, его руки крепко лежали на её боках.

Расстояние между их лицами сократилось до считанных сантиметров. В полутьме она видела его глаза – светлые, серьёзные, без тени привычной насмешки. Видела ту самую царапину на щеке, следы усталости под глазами.

– Ты со мной как с куклой, – выдохнула она, и в её голосе прозвучала не жалоба, а констатация, смешанная с лёгким изумлением. – Так легко постоянно поднимаешь.

Он хмыкнул, и его губы тронула тень улыбки.

– Ты лёгкая. Как пушинка. После полной выкладки и раненого товарища на спине, тебя поднять – вообще не работа. – Он помолчал, изучая её лицо. – А куклы обычно не задают вопросов. И не смотрят так.

– Как смотрят? – не удержалась она.

– Как будто пытаются разгадать, из чего я сделан. Из плоти или из приказов, – ответил он честно, и его пальцы слегка сжали её бока. – Не бойся, я не сломаю. И не уроню.

Он говорил не о физическом падении. Он говорил о чём-то большем. Об этой шаткой позиции, которую она занимала между ними всеми. И в его словах была странная, грубая гарантия. Пока она с ним – он её не выдаст Каэлану, не бросит на растерзание лесной ведьме. По крайней мере, не сегодня.

– Я не боюсь, что уронишь, – тихо сказала Морвина, глядя ему прямо в глаза. – Боюсь, что сама упаду. И уже не встану.

Он не стал говорить пустых утешений. Он просто смотрел на неё, и в его взгляде была та самая усталая, обременительная ответственность, которая теперь казалась ей единственной опорой в этом рушащемся мире.

– Тогда не падай, – сказал он просто. – Держись. Хоть за меня. Пока можешь.

Его руки на её боках были тёплыми и твёрдыми. Его бедра под ней – устойчивыми. В этой близости, в этом откровенном, лишённом пошлости контакте, была какая-то первобытная простота. Два существа в ночи, ищущие тепла и уверенности перед лицом общей бури.

Она не знала, что сказать. Поэтому она просто медленно опустила голову и прижалась лбом к его груди, туда, где под рубахой билось сердце. Он не стал её поднимать, заставляя смотреть на себя. Он просто обнял её крепче, положив подбородок ей на макушку, и закрыл глаза.

Поза была неудобной, и Морвина непроизвольно поёрзала на его бедрах, пытаясь найти точку равновесия, чтобы не давить на собственную больную ногу и не чувствовать каждую складку его грубой одежды под собой.

Но её движение вызвало мгновенную реакцию. Его рука, лежавшая у неё на талии, резко и крепко прижала её к себе, почти припечатав к его торсу. Вторая рука обхватила её спину, не давая отклониться. Он низко наклонил голову и уткнулся лицом в изгиб её шеи и плеча.

– Не ерзай, – прозвучал его голос, приглушённый тканью её платья. Но это не было просьбой или шуткой. Это было почти с рыком – низким, напряжённым, в котором слышалась не злость, а что-то другое. Что-то натянутое, как тетива, и опасное, как вспышка.

Морвина замерла, ощущая, как всё его тело под ней стало твёрдым, как камень. Дыхание его было горячим и прерывистым у неё на коже. Она поняла свою ошибку. Это не было просто объятием уставших людей. В его реакции была животная, подавленная напряжённость, которую её неосторожное движение едва не высвободило.

– Лориан... – осторожно начала она.

– Молчи, – прервал он её, и его губы, прижатые к её плечу, сдвинулись, произнося слово прямо на её кожу. – Просто сиди спокойно. Пожалуйста.

В последнем слове, прорывающемся сквозь рык, слышалось отчаянное усилие сдерживать что-то гораздо большее. Он был не просто уставшим охотником. Он был молодым, сильным мужчиной, который несколько дней провёл в смертельно опасном напряжении, в обществе девушки, к которой он, вопреки всему, начал испытывать что-то, выходящее за рамки долга. И её движение, её тепло, её близость – всё это било по последним барьерам его самоконтроля.

Морвина не посмела больше шелохнуться, хотя очень хотелось. Она сидела неподвижно, чувствуя, как бьётся его сердце – часто, сильно, прямо под её грудью. Она чувствовала напряжение каждой мышцы его спины под её ладонями. Воздух в комнате стал густым и тяжёлым, заряженным невысказанным.

Он продолжал держать её так, будто пытался вобрать в себя, или, наоборот, защитит от чего-то. Его дыхание постепенно выравнивалось, но хватка не ослабевала. Казалось, прошла вечность.

– Прости, – наконец прошептал он, его голос снова стал глухим, но уже без рыка. Он не отрывался от её плеча. – Я сегодня не в форме.

– Всё в порядке, – тихо ответила Морвина. Она не стала спрашивать, что с ним. Она и так знала. Знакомое ей по себе чувство – когда страх, стресс и усталость смешиваются в коктейль, от которого дрожат руки и сжимается горло. Только у него это выливалось не в слёзы, а в этот сдавленный, животный рык и стальную хватку.

Он медленно, очень медленно ослабил объятия, но не отпустил её. Его рука с талии переместилась, чтобы мягко провести по её спине, будто успокаивая и её, и себя.

– Просто, иногда кажется, что всё рухнет. Лес, ведьма, командир, приказ, всё. И останусь только я. И... – он не договорил, но она поняла. И ты.

Это было признанием.

Хрупким, сырым и опасным. Признанием в том, что в этом хаосе она стала для него точкой отсчёта. И это было страшнее любой ловушки ведьмы

– Я никуда не денусь, – солгала она, зная, что это неправда. Завтра всё может измениться. Но в эту секунду ей хотелось, чтобы это была правда. Для него. И, как ни странно, для себя.

Он кивнул, его губы снова коснулись её плеча, на этот раз почти невесомо. Потом он аккуратно приподнял её и пересадил обратно на кровать рядом с собой, уже не удерживая так крепко.

– Спать, – сказал он хрипло, откидываясь на спину и закрывая глаза ладонью. – Завтра большой день.

Морвина легла рядом, не касаясь его, но чувствуя жар, исходящий от его тела. Отголоски его рыка ещё вибрировали в воздухе, смешиваясь с тиканьем старых часов в углу. Она поняла, что перешла ещё одну невидимую грань. Теперь между ними было не просто вынужденное товарищество или смущённая опека. Было что-то гораздо более сильное и неуправляемое. И это что-то могло стать для неё как спасением, так и приговором. Всё зависело от того, чьи сети окажутся крепче завтра: сети лесной ведьмы, сети инквизиции или те незримые сети, что только что начали плестись здесь, в темноте, между охотником и его дичью.

Утро пришло холодное, серое и неумолимое.

Морвина проснулась раньше других, её разбудило тяжёлое предчувствие, сидевшее в желудке каменным комом. Она осторожно выбралась из-под одеяла, стараясь не потревожить Лориана, который спал, лёжа на спине, его лицо в рассветных сумерках казалось моложе, но усталым даже во сне.

Она вышла на крыльцо, где уже стоял Каэлан. Он не спал, кажется, вовсе. Он смотрел на лес, его фигура была прямой и неподвижной. Увидев её, он кивнул.

– Выспалась? – спросил он без предисловий.

– Достаточно, – ответила Морвина, кутаясь в плащ от утреннего холода.

– Хорошо. Сегодня вы идёте первыми.

Она уставилась на него, не понимая.

– Я? Первой? Куда?

– К тому месту. К вербе, где вас засосало. – Его голос был ровным, лишённым эмоций, как будто он диктовал маршрут прогулки. – Вы знаете, как оно выглядит изнутри. И она, лесная обитательница, проявила к вам личный интерес. Это делает вас лучшим разведчиком и приманкой.

Холодный ужас сковал её. Они хотят использовать её как живца. Выставить на крючок.

– Но... я же едва хожу. И я не вооружена. Если она там...

– Мы будем следовать за вами на расстоянии, – перебил он. – Лориан и Торвин займут позиции по флангам. Я буду прикрывать с тыла. Вы просто подойдёте к тому месту. Осмотритесь. Попробуйте поговорить с ней, если она появится. Спросите о детях напрямую. Ваша безопасность – наш приоритет.

Последняя фраза звучала как насмешка. Приоритетом была миссия, а она была частью миссии.

– А если она просто... утащит меня снова? И на этот раз не выплюнет?

– Тогда мы проследим, куда. И найдём её логово. Это также является целью, – холодно констатировал Каэлан. – Но мы постараемся этого не допустить. Вы ценны для нас живой и говорящей.

Он сказал это не как угрозу, а как факт. Она была активом. И сейчас этот актив нужно было грамотно ввести в игру.

В этот момент из дома вышел Лориан. Он был уже в полной боевой готовности, но его лицо было мрачным, а глаза, встретившись с её взглядом, выражали яростное несогласие. Очевидно, он уже слышал приказ.

– Командир, это безумие. Она не солдат. Она...

– Она ключ к этой ситуации, Лориан, – отрезал Каэлан, не поворачиваясь. – И ты будешь на левом фланге, в тридцати шагах. Не вмешивайся, пока не будет прямой угрозы её жизни. Понятно?

Лориан стиснул зубы, его челюсть напряглась. Он кивнул, коротко и резко, но его взгляд, брошенный на Морвину, говорил: «Держись. Я рядом».

Торвин вышел следом, его лицо было каменным. Он молча проверил тетиву арбалета и занял позицию у угла дома, откуда открывался вид на правый подход.

Сердце Морвины бешено колотилось. Ей предстояло идти одной навстречу той, что могла менять землю под ногами. Но выбора не было. Отказаться – значит вызвать немедленные подозрения Каэлана. Согласиться – хотя бы сохранять иллюзию контроля и иметь трёх охотников позади, пусть и с холодным расчётом в голове у командира.

– Хорошо, – тихо сказала она, больше себе, чем ему. – Я пойду.

Каэлан кивнул, как будто и не ожидал иного ответа. Он протянул ей маленький, холодный металлический свисток.

– Если что-то пойдёт не так – дуйте. Мы придём.

Она взяла свисток, ощущая его неестественную тяжесть. Потом, не глядя больше ни на кого, взяла свою палку и, преодолевая остаточную слабость в ноге, пошла по знакомой тропинке к огородам, к скрюченной вербе и пятну несостоявшегося болота. Её спина чувствовала на себе три пары глаз: холодные и оценивающие – Каэлана, яростные и беспокойные – Лориана, и нечитаемые – Торвина.

Морвина шла по влажной траве, каждый нерв в её теле звенел от напряжения. Она чувствовала, как охотники растворяются в лесу за её спиной, становясь невидимыми тенью, но их присутствие ощущалось кожей – тяжёлое, наблюдающее, готовое к действию. Именно в этот момент в её сознании раздался знакомый мысленный голос, полный самой невозмутимой иронии.

«Ну они, конечно, – начал Бублик, – молодцы. Стратеги. Высший пилотаж: послать хромую травницу на переговоры с сущностью, которая может закопать её заживо. Что может пойти не так?».

Морвина чуть не споткнулась от неожиданности.

«Бублик! Где ты был? Почему молчал?» – мысленно выпалила она, одновременно радуясь его присутствию и раздражаясь его тоном.

Из-под широкого листа лопуха у края тропы выскочила серая крыса и ловко вскарабкалась по её платью, устроившись на привычном месте у плеча.

«Да у тебя там тако момент был, – мысленно хихикнул Бублик, чистя усы. – Эмоции, объятия, шрамы, почти- что- признания. Решил не мешать. А то вдруг засвечусь в самый пикантный момент своим блестящим интеллектом и испорчу всю романтику».

Морвина почувствовала, как жар бросается ей в лицо, несмотря на утренний холод.

«Это не было романтикой! Это было напряжением. И ты должен был меня предупредить, что они задумали этот идиотский план!»

«Предупредить? Дорогая, я был занят более важными делами – следил, чтобы в съестных припасах мышей не завелось. А их план был очевиден с той минуты, как Торвин взорвался. Каэлан – человек действия. Разведка не дала результатов? Значит, нужна провокация. А ты – идеальная провокация. Он же не дурак, он видит, что та ведьма к тебе неравнодушна. Вот и решил сыграть на этом. Грубо, примитивно, но эффективно. Как удар кувалдой».

Морвина шла дальше, уже видя впереди кривой силуэт вербы. Бублик был прав. Всё было логично с военной точки зрения. И от этого не становилось менее страшно.

«Что мне делать, Бублик?»

«Играть свою роль. Самую обычную, самую испуганную травницу. Подойди к тому месту. Посмотри по сторонам. Скажи что-нибудь вслух. Типа «Эй, кто тут?» или «Верните детей!». Главное – не используй магию. Ни капли. Даже если из земли ползет что-то мохнатое и с зубами. Потому что если ты хоть чихнёшь с магическим подтекстом, Каэлан со своей тикалкой это почувет. И тогда игра закончится для нас очень и очень плохо. Полагайся на охотников. Как ни цинично это звучит, но сейчас они – твоя лучшая защита».

Она кивнула, почти физически чувствуя тяжесть их взглядов у себя на затылке. Вот она и вышла на то самое роковое место. Земля здесь всё ещё была влажной и примятой, но уже без признаков активной магии. Кукла исчезла. От запаха мёртвой земляники остался лишь слабый шлейф.

«Да нет, его тикалка на меня не действует»

Морвина остановилась, сжимая палку так, что пальцы побелели.

«Ну, давай, – мысленно подбодрил её Бублик. – Сыграй свой самый большой страх. Для тебя это не должно быть сложно».

Она сделала глубокий вдох и, дрожащим голосом, который не надо было даже симулировать, позвала:

– Эй! Ты здесь? Мы хотим поговорить! О детях!

Тишина. Лишь ветер шелестел листьями вербы. Потом, прямо перед ней, из влажной земли начали прорасти тонкие, почти невидимые нити бледного грибного мицелия. Они складывались в слова прямо у её ног:

«Пришла не одна. Обманицца».

Морвина почувствовала, как ледяная дрожь пробежала по спине. Лесная ведьма знала. Игра началась. И ставки были выше, чем когда-либо. Она вылезла из этой жижи.

Ледяная дрожь по спине сменилась всепоглощающим ужасом физического движения. Звук, ветер, свет – все сплелось в один спиралевидный водоворот, и Морвина не успела даже вскрикнуть.

Не падение, а выворачивание. Её сжало, будто гигантская ладонь из воздуха и тени, и резко дернуло сквозь слой почвы, корней и холодного камня. В ушах зазвенела оглушительная тишина, вытеснившая все звуки мира.

И так же внезапно, как началось, всё прекратилось. Твердая, неровная поверхность под спиной. Сырой, спертый воздух, пахнущий плесенью, влажным камнем и чем-то древним – сушеными травами, пылью и старой магией. Над головой вместо неба – низкий, неровный свод из темного камня, слабо освещенный тусклым, мерцающим свечением. Его источник – странные грибы, растущие по стенам, их шляпки излучали призрачное бирюзовое сияние.

Прямо перед ней, в центре пещеры, стояла она. Лесная Ведьма. Не призрак из детских кошмаров, а живая, плотная реальность. Её платье, сплетенное из мха и коры, казалось, двигалось само по себе. Волосы, похожие на седые корни, спускались по плечам. А глаза – две узкие щели, светящиеся тем же бледным грибным светом, что и стены.

– Пришла не одна, – проговорил голос. Он был похож на шелест сухих листьев и скрежет камня. Звучал не из её рта, а отовсюду сразу, из самой пещеры. – Ты привела с собой тень. Чужую волю. Игрушку в руках того, кто боится ступить сюда сам.

Ведьма медленно, почти недвижимо, подняла руку, костлявый палец указал не на Морвину, а куда-то в пространство за ней, в тень.

– Я покинула ковен ради спокойной жизни, но Из-за Илгы эти, – Морвина кивнула наверх, имея в виду охотников, – меня с собой теперь тащут. Просто потому, что наткнулись на меня в неподходящее время.

Она говорила, стараясь звучать максимально просто и искренне, и в этот момент Бублик, почуввав, что острая фаза конфронтации миновала, решил показаться. Он вылез из-под ворота её платья и уселся ей на плечо, потирая лапкой мордочку.

Лесная ведьма, которая только что начала немного успокаиваться, вздрогнула, увидев его. Её зелёные глаза расширились, а потом загорелись ярче светящихся грибов. Она отпрянула назад, тыча пальцем в крысу.

– Ты... ты, ты... – она начала метаться, её голос сорвался на высокий, почти панический визг. – Фамилиар! У тебя есть фамилиар! Ты ведьма! Настоящая ведьма!

Она говорила это не с ненавистью, а с каким-то диким, животным ужасом и отвращением, как будто увидела не просто коллегу по ремеслу, а нечто оскверняющее её святилище.

– Не трожь меня! – выкрикнула она, зажимая уши, хотя Бублик не издал ни звука. – Я отдам детей! Забери их и уходи! Только уходи отсюда со своей... своей городской магией! Она здесь не место! Она воняет дымом и железом!

Морвина смотрела на неё с полнейшим недоумением. Она ожидала гнева, презрения, даже нападения. Но не этой истеричной, почти фобической реакции на Бублика. Казалось, для этой лесной отшельницы, чья магия была сродни самой природе, классический ведьмовской фамилиар – символ организованного, «цивилизованного» колдовства, ковенных ритуалов – был чем-то глубоко чуждым и отвратительным. Как будто она увидела в Морвине не соро-

дича, а предательницу самых основ, продавшую дикую свободу леса за городские, сковывающие условности.

– Подожди, – попыталась успокоить её Морвина, но ведьма только сильнее съёжилась, уставившись на Бублика выпученными глазами.

– Нет! Нет разговоров! Они сверху, они уже близко. Чувствую их железо. Забирай детей и уходи! Они спят за той стеной, – она махнула рукой в сторону дальней стены из переплетённых корней. – Неси их в деревню. Скажи... скажи, что нашла в лесу. Но не говори про меня! И уходи!

Она говорила быстро, сбивчиво, её первоначальная сила и уверенность испарились, сменившись паническим желанием избавиться от незваных гостей, особенно от этого пушистого воплощения всего, что она ненавидела.

Морвина обменялась с Бубликом быстрым взглядом. Фамилиар мысленно пожал плечами.

«Что? Я что, неприлично выгляжу?»

«Похоже, для неё ты – как серебряный амулет для обычного человека. Только в тысячу раз противнее».

Она подошла к указанной стене. Корни расступились, пропустив её в маленькую, тёплую нишу. Там, на мягком ложе из мха и папоротника, спали трое детей. Двое мальчиков и девочка. Их лица были спокойны, но бледны. На их лбах лежали странные, полупрозрачные грибковые наросты, которые мягко пульсировали светом. Они действительно были больны, но не в кошмарном лихорадочном бреду, а в глубоком, искусственном сне.

– Ты права, – тихо сказала Морвина, оборачиваясь. – Они больны. Но, ты не можешь их просто так отдать. Твой сон их только сдерживает. Им нужно настоящее лечение.

– У меня нет его! – всхлипнула ведьма, всё ещё не глядя прямо на Бублика. – Искала не нашла. А теперь уже поздно. Забирай их. Пусть их лечат свои лекари. Может, успеют.

В её голосе звучало отчаяние и поражение. Она была готова отдать своих пациентов, лишь бы избавиться от присутствия «городской» ведьмы с её фамилиаром.

Морвина стояла на распутье. Сверху её ищут охотники, готовые штурмовать это место. Перед ней – трое умирающих детей и сломленная, истеричная лесная целительница, которая, по сути, пыталась сделать доброе дело самыми странными и пугающими методами. А снаружи – деревня, которая считает эту целительницу чудовищем.

Как только в деревне увидели охотников, несущих спящих детей, тишина взорвалась. Женский визг, крики мужчин, всеобщий гам – всё смешалось в хаосе облегчения, слёз и вопросов. Люди бросились вперёд, выхватывая своих сыновей и дочь из рук Лориана и Торвина, забирая их в дома, не обращая внимания ни на что вокруг.

Морвина осталась сидеть на траве у вербы, забытая всеми. Никто не подошёл, не помог ей встать, не сказал спасибо. В их глазах она была просто странной попутчицей тех самых охотников, частью опасного и непонятного мира, который принёс сначала страх, а теперь – возвращение детей.

Она с трудом поднялась, опираясь на палку, и поплелась к повозке, стоявшей у дома старосты. Каждая мышца ныла, одежда была в грязи, а на душе – тяжёлый осадок. Она сделала то, что должна была. Спасла детей. Но это не принесло ей ни свободы, ни безопасности, ни даже простой благодарности.

Бублик вылез из складок её платья и устроился на краю повозки, наблюдая, как суетятся деревенские.

«Ну вот, – мысленно констатировал он, и в его голосе звучала усталая горечь. – Мы снова под подозрением. Только теперь не только у охотников, но, кажется, и у всей этой благодарной публики. Ты видела, как Казлан на тебя смотрел? Он что-то просек. Может,

не всё, но достаточно. Эти грибы... твоё внезапное «излечение» детей, истерика той дикарки при виде меня. Для такого ума, как его, это пазл, который слишком хорошо складывается».

«Я знаю, – мысленно вздохнула Морвина, закидывая свою котомку в повозку. – Но что я могла сделать? Оставить их умирать?»

«Конечно, нет. Ты поступила правильно. Просто... правильно не всегда значит безопасно. Теперь нам придётся быть в десять раз осторожнее. Он не станет нас разоблачать здесь, при всех. Но в Хельдране, там у него будут все инструменты, чтобы докопаться до истины. И эти грибы в его мешке – первая улика».

Морвина взглянула на дом, где собрались охотники. Каэлан коротко что-то говорил старосте, вероятно, отдавая последние распоряжения. Лориан и Торвин грузили в повозку свои вещи. Лориан, закончив, посмотрел через двор, поймал её взгляд. На его лице мелькнуло что-то сложное – облегчение, что она цела, и тень новой, глубокой озабоченности. Он что-то понял там, в лесу. Или почувствовал.

Он сделал шаг в её сторону, но его окликнул Каэлан. Лориан замер, бросив на неё последний взгляд, который говорил: «Поговорим позже», и повернулся к командиру.

«Позже» могло и не наступить, поняла Морвина. Теперь дистанция между ними снова увеличилась. Она была не просто «его травницей», а загадкой, которую предстояло разгадать. А загадки в мире Каэлана были либо решены, либо уничтожены.

Она вскарабкалась в повозку и устроилась на своём месте, глядя, как жизнь деревни возвращается в привычное русло, словно и не было четырёх дней кошмара. Они были спасены. А она снова была в пути. К Хельдрану. С капитаном, чьи подозрения только усилились, с охотником, в чьих глазах теперь читалась не только опека, но и вопрос, и с фамилиаром, который одним своим видом мог вызывать истерику у лесных божеств.

Глава 3

Дорога после деревни тянулась утомительно и монотонно. Холмы сменяли друг друга, лес то отступал, то снова нависал над дорогой стеной из тёмной зелени. Но внутри повозки царил тишина, густая и тяжёлая, как болотный туман. Никто не говорил ни слова.

Каэлан сидел неподвижно, его взгляд был устремлён куда-то вдаль, за горизонт, но Морвина знала – его ум работал без остановки, раскладывая по полочкам каждый миг в лесу, каждую её реакцию, каждую странность. Торвин, мрачный и сосредоточенный, правил лошадьми, изредка бросая короткие взгляды на обочину. Лориан сидел, отгородившись от всех, уставившись на свои сапоги. Его обычная бравада и даже смущённая забота куда-то испарились, сменившись напряжённым молчанием. Он чувствовал сдвиг. Чувствовал, что что-то упустил, что-то важное. И это «что-то» было связано с ней.

Только Морвина и Бублик не молчали. Их диалог шёл в полной, абсолютной тишине, в пространстве мыслей, куда не могли проникнуть даже самые чуткие уши.

«Он не сводит с тебя глаз, – мысленно заметил Бублик, зарывшись в складки её платья у колена. – Ну, не глазами, так внутренним взором. Он сейчас как гончая, учуявшая странный след. Он знает, что дети поправились слишком быстро».

«Я знаю, – мысленно ответила Морвина, глядя на спину Каэлана. – Но он ничего не может доказать. У него только догадки».

«Догадок таким людям часто хватает. Особенно когда они везут подозреваемого в место, где догадки можно проверить с помощью дыбы и заклинаний правды. Он не станет ничего предпринимать в дороге. Слишком рискованно, да и незачем. Он просто доставит груз в пункт назначения. А там уже разберутся».

Морвина почувствовала холодок страха. Хельдран был уже не абстрактной угрозой, а конкретной, приближающейся с каждым ударом копыт о землю реальностью.

«Что с Лорианом? – спросила она, украдкой глянув на него. – Он будто отгородился».

«Он пытается разобраться в своих чувствах, – с лёгкой усмешкой ответил Бублик. – С одной стороны, его «травница» явно что-то скрывает и, возможно, является тем, на кого он поклялся охотиться. С другой – это та самая девушка, которая дрожала у него на руках, доверчиво положила голову на плечо и только что помогла спасти детей. В его чёрно-белом мире охотника и жертвы появилось какое-то треклятое серое пятно по имени Морвина. И это его бесит и пугает одновременно».

Морвина вздохнула. Она понимала его смятение. Сама себя чувствовала разорванной на части. Она должна была ненавидеть их всех, бояться, искать способ сбежать. Но она не могла ненавидеть Лориана, который спас её от слизнегрызов, носил на руках, делился кусками своей жизни в темноте. И не могла не испытывать леденящего уважения к холодному, но справедливому интеллекту Каэлана, который, по сути, тоже просто выполнял свою работу, как умел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.